

РАБОЧИЕ ЗАСЕДАНИЯ

8. 07. 87.
Заседание №2
Начало в 11: 00.

Показания Брюханова В.П., бывшего директора ЧАЭС [2]:

«Вначале по предъявленному мне обвинению. 13 августа 1986 года, когда мне предъявили обвинение, я написал свои возражения и несогласия по пунктам обвинения. Я с ними не согласен. Я виноват как руководитель, что-то не досмотрел, где-то проявил халатность, нераспорядительность. Я понимаю, что авария тяжёлая, но в ней у каждого своя вина».

Дальше Брюханов В.П. рассказывает историю своего появления на ЧАЭС, историю строительства станции и города. Пуски блоков: 1 блок – 1977 г., 2 блок – 1978 г., 3 блок – 1982 г., 4 блок – 1983 г.

«Труднее было ввести прачечную, чем блок. Подрядчики, если им выставлялись требования, говорили - если не подходим, ищите других».

«Трудности:

1) Только в 1983 или 1984 году разрешили (Постановлением ЦК КПСС и СМ СССР) набирать за два года до пуска блока до 30 % персонала;

2) Не было УТП, персонал не имел навыков работы в аварийных ситуациях. Смоленский УТЦ не введён до сих пор. Два года мы боролись за свой УТЦ, но нам разрешили только УТП».

«Я выбил средства на ЭВМ, саму ЭВМ, здание АТС, лишний этаж к нему, дисплейную станцию».

«Блоки работали хорошо, но за 5 лет было 100 отказов, то есть 5 отказов на блок в год, из них 33 по вине персонала (2 отказа на блок в год).

Были аварии, были серьёзные недостатки. Нас за это строго наказывали. Но цифры ничего не говорят без анализа.

На ЧАЭС была группа из двух человек, старший - Назарковский, учитывающая и анализирующая причины аварий.

В обвинительном заключении сказано, что были случаи сокрытия аварий. Мне такие случаи неизвестны. По-моему, это скрыть невозможно. У диспетчера сети и в министерстве энергетики есть дисплеи, где видна нагрузка каждой станции. Любое снижение мощности сразу фиксируется.

Работу станции постоянно проверяло множество инспектирующих организаций. Много было предписаний. Да, иногда по ним мы не укладывались в предписанные сроки и просили их продлить. Как правило, нам это разрешали. Может быть, на момент аварии что-то не успели продлить, я не буду утверждать, что всё обстоит хорошо».

Председатель суда (Раймонд Бризе) - Вы знакомы с материалами обвинительного заключения? Вы с какими-либо конкретными фактами по авариям не согласны? Если со всеми пунктами согласны, то зачем Вы говорите общие слова?

Брюханов - На станциях нагрузка директора, главного инженера и их замов большая. Существует разбиение обязанностей между ними, но общая ответственность за порученное дело остаётся. Мне ставят в вину нарушения п. 5.1 - 5.3 ПБЯ. Я знал, что 4-й блок идёт на ППР. Знал, что никаких испытаний особым не будет. Этой программы я не видел. Если бы видел, то принял бы меры к согласованию её в обычном порядке

(Главный конструктор, ГАЭН и т.д.). Технической стороны я касаться не буду, есть компетентное заключение технической экспертизы. Есть документы, представленные СССР в МАГАТЭ. Я их обсуждать не буду, они правильные.

Председатель - Вы знали о существовании программы? Ведь Вы подписали ввод блока в эксплуатацию после строительства без проведения этих испытаний. Это у Вас в памяти не отложилось? Вы видели программу?

Брюханов - Нет, не видел. Я не могу знать всего, это невозможно. Я не помню, чтобы в пусковом комплексе требовалось выполнять эту программу. Были рабочие комиссии, они свои акты представили госкомиссии. Я, как заместитель председателя госкомиссии, акт о вводе 4-го блока в эксплуатацию подписал, так как все работы были выполнены.

Брюханов - В части ст. 165 - мои действия как руководителя ГО объекта. Обвинение гласит, что я должен был ввести план защиты персонала и населения. Да, формально я этот план не ввёл. Когда я

приехал на работу 26 апреля, я собрал весь технический руководящий персонал и руководителей ГО. Поставил им задачи.

Об аварии узнал от начальника химцеха. НСС и дежурная телефонистка мне не позвонили. Аварийного оповещения не было. Я спросил у телефонистки, почему это не сделано? Она сказала, что не знает какую плёнку поставить. Я сказал ставить общую аварию. Прибыв на АЭС, я не нашёл НСС. Передал начальнику смены электроцеха Сорокину, чтобы он передал НСС - немедленно оповестить всех об аварии.

Проезжая мимо 4-го блока, увидав степень разрушения, предположил самое плохое. Прибыв на АЭС приказал караулу открыть убежище. Потом зашёл в свой кабинет, пробовал созвониться с НСС. Его не было. Потом побежал на территорию, дошёл до баллонной САОР. Она была разрушена. Вернулся в кабинет, с НСС связаться опять не смог. Тут ко мне пришли Волошко (председатель горисполкома), 2-й секретарь горкома партии, заместитель директора по режиму Богдан и секретарь парткома Парашин. Что я говорил, не помню. Потом мы пошли в убежище. Я собрал руководителей подразделений всех служб и цехов. Сообщил им о случившемся. Сказал, что подробностей не знаю. Нужно принять меры по выведению персонала из промзоны. Ограничиться минимумом персонала. Дал задания заместителю начальника ООТиТБ Красножёну и начальнику ЛВД Коробейникову.

Начальник связи сказал, что телефон переключен, я начал докладывать руководству (начальнику главка - произошла серьёзная авария, 4-й блок разрушен, подробностей не знаю), а Воробьёву сказал, чтобы держал постоянную связь с областным штабом ГО. Потом позвонил в обком партии, просил 1-го секретаря, но дали 2-го, потом доложил 1-му. Докладывал заместителю министра энергетики УССР, министру, генеральному директору Киевэнерго. Потом снова позвонил начальнику главка Веретенникову. Потом начались доклады наших спецов по параметрам блока. Поступила информация от Красножёна.

Потом мне позвонил НСС, сказал, что был взрыв, пытаемся подать воду в реактор, подробностей он не знал.

Нам, энергетикам, было ясно, что самое страшное на реакторе, это «козел». А поскольку уровня в БС слева и справа не было, то это было самое страшное.

Увязать все события во времени не могу. Прибыл на АЭС не позднее 2 часов ночи. Это помню. Потом ко мне подошел Парашин и Беличенко, зав отделом обкома. Я доложил ему обстановку, он сказал, что на ЧАЭС едет 2-й секретарь обкома Маломуж. Беличенко просил подготовить справку для него. Парашин вызвался это сделать. Сказал, что он с Беличенко подготовит ее и покажет мне. Там было 1000 мкр/ч на промплощадке и 2-4 мкр/ч в городе.

Дал Ракишину (начальнику 1-го отдела ЧАЭС) команду отпечатать справку, он спросил - кто исполнитель?

Я сказал, покажи главному инженеру и если он согласится, поставь его. Не знаю, показал он справку Фомину, или нет. Позднее он принес мне отпечатанное письмо, и я его подписал.

Потом Волошко собрал в горисполкоме руководителей предприятий города Припяти и кратко рассказал об аварии. Потом я уехал на АЭС. Позднее меня снова вызвали в горисполком. Там был министр, его зам Семенов. Они предложили мне, Конвизу и еще кому-то подготовить мероприятия по восстановлению 4-го блока. Мы этим какое-то время занимались. Потом снова поехал на АЭС, потом еще раз вызвали в город.

Далее было много поручений. Правительственная комиссия уехала в Чернобыль, я оставался в Припяти, потом переехал в пионерский лагерь «Сказочный».

Скрывать я ничего не собирался, я пользовался информацией Красножёна и Коробейникова. Потом я узнал, что такая же информация была в горкоме. Не знаю, кто ее им давал.

(перерыв 12:30 – 12:45)

Брюханов: Я считаю, что радиационную разведку я организовал. Красножёну была дана команда находиться на станции, не допускать людей в недоступные места (записано дословно – К.Н.). Уровень радиации был мне доложен - до 1000 мкр/сек.

Воробьев мне говорил 30-35 и 40-50 рентген в час. Да, это было. Я лично выезжал на западную и северную стороны АЭС и лично замерял фон, и видел уровни до 200 р/ч. Это были прострелы, а мы знаем, что на АЭС есть необслуживаемые, полубслуживаемые и обслуживаемые помещения... О том, что вблизи разрушенного блока будет больше, было известно мне и всем остальным.

Как директор, я не мог выделить всем дозприборы. Они были в ООТиТБ, ЛВД (лаборатория внешней дозиметрии), штабе ГО. Они были в работе, там и выдавались. По табелю ГО мы имели 100% оснащенности, это отражено во всех документах.

Мне предъявлено, что не были готовы защитные сооружения. Это не так. Убежища были построены в полном объеме, что зафиксировано в штабе ГО области. Кроме того, проводились учения. В убежище №2 - да, находилось оборудование, но это были вещи из штаба ГО, это не запрещается. Кроме того, оно находилось рядом с разрушенным блоком, поэтому я его не задействовал.

По 3-му убежищу я не знаю, почему начальник подразделения не дал команду его использовать.

Начальникам подразделений я говорил - ограничить количество людей в зоне, поэтому не знаю, почему смена приехала в полном объеме.

Об эвакуации. Формально план я не вводил. Нужно было конкретно действовать по плану. Я приступил к его выполнению. Неформально я все делал по нему. Велел сделать оповещение. Сообщить в штаб ГО. Достаточно сказать, что приехала правительственная комиссия, это подтверждает хорошее оповещение.

Оповещать город, эвакуировать его, это не моя компетенция. Я не мог этого сделать. Кроме того, было разъяснение, что начальник штаба ГО может принимать решение при суммарной дозе 200 рентген, а 26 апреля доза могла быть не больше 0,64 р.

У меня все.

Председатель - Вопросы у прокурора есть?

Прокурор - Да.

Прокурор - Вы выполняли «Руководящие указания по работе с персоналом» в полном объеме?

Брюханов - Да.

Прокурор - Что мешало Вам создать УТЦ? Почему его не было на ЧАЭС, пока Вы были директором?

Брюханов молчит.

Прокурор - Ясно, значит Вы не ставили этих вопросов.

Брюханов - Ставил в министерстве и главке.

Прокурор - Вы сказали, что персонал не был готов к работе в экстремальных ситуациях, то есть был недостаточно подготовлен.

Брюханов - Нет, персонал был готов в рамках «Руководящих указаний» полностью.

Прокурор - Почему допуск к работе персонала осуществлялся (и к дублированию) не руководством АЭС, а цехами?

Брюханов - НСБ, начальники смен подчиняются руководству АЭС, ЗГИСам, ГИСу. Остальной сменный персонал допускается цеховым руководством (дословно, К.Н.).

Прокурор - В этом и есть нарушение.

Прокурор - Один раз в месяц (по руководящим указаниям) Вы должны обходить рабочие места. Вы это выполняли?

Брюханов - Это так называемые ночные обходы. Да, в 1986 г. я этого не смог сделать из-за загруженности. Но я делал дневные обходы (МЗ, БЩУ и т. д.).

Прокурор - Существует определенный порядок, нужно вести журнал обходов. Последняя Ваша запись в 1978 г. сделана. Есть Ваш приказ в 1986 г. делать обходы 2-3 раза в год. Кто Вам дал право отменить руководящие указания?

Брюханов - Я не помню такого приказа.

Прокурор - Он издан Вами в 1986 г.

Прокурор - По экзаменам. К руководителям относятся только директор и главный инженер станции. А председателями комиссий были, по экзаменам, ЗГИСы. Это неправильно.

Брюханов - Но они принимали только у своего персонала, по очередям.

Прокурор - Мы понимаем руководящие указания только так - руководители предприятия это директор и главный инженер.

Прокурор - Как Вы выполняли требования по расследованию аварий? Все ли аварии расследованы до конца?

Брюханов - Были аварии, когда комиссия не находила причин.

Прокурор - Я могу Вам показать протокол, где перечислены аварии, которые не расследовались вообще. В материалах дела он есть, Вы с ним знакомились. Вы отрицаете это?

Брюханов - Нет, не отрицаю.

Прокурор - В первом квартале 1986 года Вы выводили защиты и блокировки 6 раз (с 6 февраля по 26 апреля - запись в журнале заместителя начальника ЦТАИ). Это делалось без согласования с вышестоящими организациями. Это нарушения.

Брюханов - Я этого не знал, но могу пояснить. Неразумно останавливать блок из-за некоторых несущественных причин.

Прокурор - Это неправильно, противоречит правилам.

Прокурор - Вы подписали акт приемки блока № 4 без выполнения программы по выбегу?

Брюханов - Да, я принимал пусковой комплекс.

Прокурор - Вы должны были, в последующем, довести блок до проекта. Эта программа уже выполнялась в 1982 на блоке № 3 (до пуска 4-го блока) и в 1985гг. Вы знали об этом?

Брюханов - Нет.

Прокурор - Поговорим о гражданской обороне. В акте комиссии ГО (январь 1986 г.) сказано, что убежище №3 непригодно.

Брюханов - Я считаю, что убежище было готово.

Прокурор - Вы этот акт видели?

Брюханов - Может быть и видел.

Прокурор - По аварии. Персонал после аварии утверждал, что подготовка к противоаварийным тренировкам была плохой.

Брюханов молчит.

Прокурор - Персонал утверждает, что оповещение об аварии проводилось стихийно. Что Вы должны были сделать?

Брюханов - Мне представляется, что я выполнил все требования.

Прокурор - Уже в три часа ночи 26 апреля Вы знали, что вблизи 4 блока мощность радиоактивного облучения 200 р/ч. Вы понимали, что дальше будет хуже?

Брюханов - Я знал, что определяет мощность дозы йод и был уверен, что дозы будут падать. Что касается 200 р/ч. и т.д., то это было только в зоне видимого прострела.

Прокурор - Почему Вы не удалили тогда людей из зоны поражения?

Брюханов - Я дал команду удалить всех лишних, но реактор нельзя оставлять без присмотра.

Прокурор - Почему в письме партийным и советским органам не было сведений о 200 р/ч?

Брюханов - Я невнимательно посмотрел письмо, нужно было добавить, конечно.

Прокурор - Но ведь это самый серьезный Ваш вопрос, почему Вы этого не сделали?

Брюханов молчит.

Прокурор - На совещании в горисполкоме Волошко говорил все что ему вздумается. Почему Вы не встали и как самый осведомленный человек не сказали правду?

Брюханов - Да, надо было встать и сказать ...

Помощник прокурора - Знали ли Вы, что харьковчане будут проводить измерения вибрации ТГ?

Брюханов - Знал, что это всегда делается. Мы всегда так делали.

Помощник прокурора - На протяжении ряда лет проводились испытания на выбег и всегда неудачно. Вы что, не знали об этом?

Брюханов - Не знал.

Помощник прокурора - Вы не интересуетесь вопросами производства?

Брюханов - Очень много интересовался, но всего я знать не мог, на это есть технические специалисты.

Помощник прокурора - Что такое «общая авария»?

Брюханов - Это радиационная авария, касающаяся ректора и территории АЭС.

Помощник прокурора - Вы около 2 часов ночи дали команду телефонистке сделать оповещение. Почему Вы в течении дня не повторили указания?

Брюханов - Да, формально я этого не сделал.

Помощник прокурора - Когда Вы ехали на АЭС, что Вы видели - пожар, свечение?

Брюханов - Только слабое свечение. Это ночью. А днем облетели реактор на вертолете, там было только два кратера.

Помощник прокурора - Когда Вы были отстранены от директорства и исключены из партии, чем Вы занимались?

Брюханов - С августа начал работать.

Помощник прокурора - Есть сведения, что Вы отдыхали в Ялте.

Брюханов - Я работал, пока не был отстранен министром. Потом выехал к семье.

Прокурор - Ваша оценка программы и случившегося.

Брюханов - По программе, я считаю, было много нарушений. Она не была согласована с ГАЭН, Главным конструктором, Научным руководителем, проектировщиком. Не были четко расписаны действия персонала, особенно в части приема излишков пара. В отношении выведения зашит, я не вижу в этом смысла. Эту операцию (дословно, Н.К.), по-моему, нужно было делать на остановленном реакторе.

Эксперт - Кто утвердил комплексный план развития новой техники?

Брюханов - Не помню.

Эксперт - Программа - это исследование, или проверки различные регламентные?

Брюханов - По-моему, это проверка того, какую нагрузку может потянуть генератор на выбеге.

Эксперт - Сделать оповещение об «общей аварии» Вы просили телефонистку лично?

Брюханов - Через начальника смены ЭЦ.

Эксперт - Но час назад вы говорили другое.

Эксперт - Вы говорили на предварительном следствии, что в районе

4-го блока, у столовой, были с Воробьевым и Соловьевым.
Они это категорически отрицают.

Брюханов - Может быть я был не с ними, а с Коробейниковым. Я не помню.

Эксперт - Зачем лили воду в реактор, если знали, что он разрушен?

Брюханов - Лили только 26-го, а 27-го уже боролись с водой.

Эксперт - Есть данные, что начальник ООТиТБ Каплун не знал что ему делать. Почему Вы с ним не работали?

Брюханов - Я работал с Красножёном.

Эксперт - Сколько записок Вы сделали в горком, одну или две?

Брюханов - Только одну. Подписал я и начальник лаборатории внешней дозиметрии Коробейников.

Эксперт - Считаете ли Вы себя и другое руководство станции достаточно образованными, чтобы делать выводы об аварии?

Брюханов - Я не считаю себя специалистом в этой области, но у нас были специалисты физики.

Эксперт - Говорили они о возможных последствиях аварии?

Брюханов - В моем присутствии таких разговоров не было.

Эксперт - Вы не чувствовали себя больным, есть ли диагноз врачей?

Брюханов - Нет. Я был здоров.

Эксперт - Почему Вы поехали на юг?

Брюханов - Мне врачи рекомендовали Прибалтику, но я там мерзну. Истощен.

Председатель - У кого есть вопросы?

Ситникова (жена умершего от ОЛБ ЗГИСа Ситникова А.) - Виктор Петрович, кто должен был взять на себя ответственность объявить по радио - закройте окна и двери - и не сделал этого?

Брюханов - Горисполком, по-моему.

Ситникова - Вы говорили им это?

Брюханов - Не помню.

Ситникова - Когда вы прибыли на станцию, Вы обстановку в целом знали. Почему Вы послали моего мужа на 4-й блок?

Брюханов - Я дал распоряжение Ситникову и Чугунову пойти на 4-й блочный и привести сюда Дятлова. Больше ничего. Чугунов может подтвердить.

(Для справки: **В. Чугунов** [1] - мне и А. Ситникову директор и секретарь парткома дают задание:

- первое - проверить работу режима аварийного расхолаживания;

- второе - оказать помощь в поиске пропавших людей (на тот момент не могли найти еще шесть человек);

- третье - определить границы разрушения и способы локализации аварии).

(перерыв 1 час, с 14 до 15)

Вопросы защиты к Брюханову.

Защитник Брюханова - Пункт 2.2 руководящих указаний по работе с персоналом. По нему Вы обвиняетесь в слабой подготовке сменного персонала. Объясните, как Вы это понимаете?

Брюханов - Новый человек назначен на должность без обучения быть не может. Дублирование определяется распоряжением ЗГИС и НСС. Подход ко всем персональный.

Защитник Брюханова - По обходу рабочих мест. Почему Вы не делали обход рабочих мест?

Брюханов - Я об этом инспектору, который хранит журнал, не сообщал. Замечания давал в устной форме на оперативных совещаниях. А серьезные замечания отражал в приказах.

Защитник Брюханова - Какие меры Вы принимали по расследованию аварий на ЧАЭС?

Брюханов - Создавались комиссии по расследованию аварий и составлялись акты.

Прокурор - По некоторым авариям разбора не было. Есть акт технической экспертизы. Вы с его выводами согласны?

Брюханов - Там дано только количество аварий в год, а какие конкретно, там не сказано. Поэтому я не могу однозначно ответить на этот вопрос.

Прокурор - Значит, мы зачитаем этот акт полностью.

Защитник Брюханова - Как относилось Ваше руководство к актам расследований аварий?

Брюханов - По всякому. Были случаи переквалификации аварий.

Защитник Брюханова - По программе. Можно было отметить в 1983 году, перед приемкой блока в эксплуатацию то, что программа не была выполнена?

Брюханов - Можно было. Но это разрешилось, не выполнять программу. Просто потом это нужно было делать самому.

Защитник Брюханова - Авария на 4 блоке считалась ли в проекте возможной? Готовился ли специально к такой аварии персонал?

Брюханов - Нет.

Защитник Брюханова - Подготовка к проектным авариям могла помочь персоналу в этой аварии?

Брюханов - Могла.

Защитник Брюханова - По плану «Мероприятий по защите персонала и населения» было расписано, кому что делать, сколько персонала оставить, куда эвакуировать членов семей?

Брюханов - Да, все было подробно расписано.

Защитник Брюханова - Значит не надо было детализировать задания руководителям подразделений?

Брюханов - Я считаю, что не надо было.

Защитник Брюханова - По радиационной обстановке. Вы имели полную объективную картину по сведениям, даваемым Вам специалистами?

Брюханов - Да. Я считаю, что мне все давали. По телефону и по схемам, характерные точки. Были и рукописные бумаги, записки с рисунками, мощностями доз.

Защитник Брюханова - Когда подключились военные и гражданская оборона? Какую информацию от них Вы имели?

Брюханов - Точно не помню, где-то в середине дня они появились, но информации от них я не имел.

Защитник Брюханова - Достаточно ли сведений Вы имели, чтобы ввести в действие план мероприятий?

Брюханов - Да. Я считаю, что полученные сведения мне это позволяли.

Защитник Брюханова - Сведения, направленные в обком, были объективны?

Брюханов - На то время были известны и более высокие уровни, но я записку невнимательно прочел и не уточнил.

Защитник Фомина - Принимал ли Фомин участие в подготовке этой справки?

Брюханов - Нет.

Защитник Фомина - Почему Вы указали его в исполнителях?

Брюханов - Я уже говорил, как это произошло.

Защитник Фомина - Начальник первого отдела Ракитин сказал, что Вы ему однозначно приказали - ставь фамилию Фомина.

Брюханов молчит.

Защитник Фомина - Когда Вы встретились с Фоминым?

Брюханов - Точно не скажу, утром.

Защитник Фомина - Вы обсуждали с ним уровни радиации? Сведения поступали только к Вам?

Брюханов - Не обсуждал. Информация поступала только ко мне.

Защитник Фомина - У Вас было достаточно сведений, чтобы принять вовремя решение об эвакуации?

Брюханов - По сведениям академика Блохина, опубликованным в газете «Радянська Україна», я понял, что эвакуация была проведена вовремя.

Защитник Дятлова - Когда Вы увидели Дятлова?

Брюханов - Я его увидел в бункере, около 6 часов утра. Спросил - в чем дело? Он развел руками, сказал - не знаю чем это объяснить и передал ленты от четырех блочных самописцев. Тогда я ему сказал - иди в больницу.

Защитник Дятлова - Как Дятлов выглядел?

Брюханов - Был бледен. Его тошнило.

Защитник Коваленко - Программа была рабочей или экспериментальной?

Брюханов - Скорее рабочей.

Коваленко - Была ли ЧАЭС и реакторная установка взрывоопасными? Каким документом это было регламентировано?

Брюханов - Ответ на этот вопрос изложен в материалах следствия.

Защитник Рогожкина - От кого Вы должны были узнать об аварии?

Брюханов - От телефонистки и НСС.

Председатель - Рогожкин, есть вопросы к Брюханову?

Рогожкин - Нет.

Защитник Лаушкина - Был ли на оперативке 25 апреля инспектор ГАЭН?

Брюханов - Нет.

Защитник Лаушкина - Были предписания от Лаушкина?

Брюханов - Я имел дело с Фроловским и Елагиной.

Защитник Лаушкина - От ГАЭН были предписания?

Брюханов - Да, очень много.

Защитник Лаушкина - Принимал ли участие Лаушкин в расследовании аварий?

Брюханов - В актах он был, но точно не помню.

Председатель - Лаушкин, есть вопросы к Брюханову?

Лаушкин - Вопросов к Брюханову не имею.

Председатель - Брюханов, мы Вас спрашивали после предъявления обвинения, считаете ли Вы себя виновным. Вы ответили - да, виновен. А сейчас Вы говорите, что не виноваты.

Брюханов - Я виновен в халатности, как руководитель. Но по этим статьям - их я не понимаю.

Председатель - Сегодня Вы говорите, что все было хорошо, что Вы все делали, т.е. Вы не виноваты и себя таковым не признаете. С тренажером было трудно, о программе Вы не знали, акт готовности блока подписали не зная о невыполнении программы. Где же Вы усматриваете свою вину, чтобы мы знали Вашу позицию?

Брюханов - В недоработках и упущениях.

Председатель - Где недоработки и упущения?

Брюханов - По всем вопросам, поднятым следствием.

Председатель - Эксперт задавал вопросы по программе. Когда испытания проводились, какие нарушения допустил персонал, по Вашему мнению?

Брюханов - Несогласования. Включение по 4-ре ГЦН на сторону. Неясно, куда сбрасывать лишний пар.

Прокурор - Программа утверждалась когда Вы были директором. Вы назвали ее недостатки. Как она могла пойти в работу?

Брюханов - Мне тяжело на этот вопрос ответить. Я считал ГИСа требовательным, грамотным инженером.

Председатель - Кто отвечает за общее руководство техникой безопасности на АЭС, и по всем другим вопросам безопасности?

Брюханов - Общее руководство на первом руководителе.

Председатель - Я понимаю, что общего руководства не должно было быть без общего контроля. Так?

Брюханов - Не отрицаю.

Прокурор - Вы знакомы с материалами дела. Какие вопросы к проведению программы у Вас есть?

Брюханов - Малая мощность, 200 мвт вместо 700-1000, малый ОЗР (1,9 ст. РР на момент аварии). Кроме того, мощность реактора опускалась до нуля (Топтунов). Зачем включали второй насос, непонятно. Потом, раз отложили испытания, то надо было САОР включить.

Председатель - Это все 25 апреля. А к 26.04 какие замечания?

Брюханов - Нужно было проходить йодную яму после потери мощности до нуля. И не отключать защиты АЗ-5.

Председатель - Чем объяснить эти нарушения Вашего персонала? Ведь это Вы выдвигали Фомина, Дятлова?

Брюханов молчит.

Председатель - Они награждались за внедрение новой техники, премировались как-нибудь?

Брюханов - Я сейчас не помню.

Прокурор - Вы говорили, что все с подготовкой кадров у Вас было благополучно, и тут же сами дали негативную оценку действиям Ваших подчиненных. Как это понимать?

Брюханов - Видимо, это мои недоработки.

Прокурор - В актах неоднократно говорилось о недостаточной подготовке Ваших подчиненных. Это правильно?

Брюханов - Наверное, правильно.

Прокурор - Эксперты говорят, что мероприятия по устранению замечаний ГАЭН были формальными. Реальная обстановка не менялась, нарушения технологии, грубые, продолжались. Почему не принимались действенные меры?

Брюханов - Мы стремились добиться искоренения замечаний, но, видимо, не всегда вовремя могли это сделать.

Прокурор - У Вас должен был быть учебно-методический совет по подготовке персонала?

Брюханов - Не знаю.

Прокурор - Вы многое не знаете из тех вопросов, что мы Вам задавали. Скажите, Вы уверенно чувствовали себя как директор?

Брюханов - Уверенно.

Председатель - Видимо эта уверенность Вас и подвела.

Председатель - Тренажеры Вы должны были иметь?

Брюханов - В проекте АЭС их не было.

Председатель - Когда Вы узнали, что радиация больше 200 р/ч? Примерно в три часа утра, сказано в обвинении. Вы оспариваете это?

Брюханов - Нет, не оспариваю.

Председатель - Записка в партийные органы Вами во сколько была подписана?

Брюханов - Примерно в одиннадцать часов утра.

Председатель - Почему Вы не написали истинную мощность дозы?

Брюханов - Я просто не подумал, когда подписывал.

Прокурор - Верили ли Вы Воробьеву, Соловьеву, их данным?

Брюханов - Верил.

Прокурор - А почему Вы запретили им выдавать эти данные?

Брюханов - Много звонило всяких любителей в высокие инстанции. Я не хотел, чтобы эта информация куда-то ушла к некомпетентным людям.

Прокурор - Они показали на следствии, что Вы не хотели их слушать. Как это объяснить?

Брюханов - Я говорил, чтобы они держали связь со штабом ГО, а другим организациям не звонили.

Народный заседатель - Как контролировались Вами ваши приказы?

Брюханов - Системой АСКИМ (автоматическая система контроля исполнения мероприятий). В конце месяца руководители подразделений отчитывались.

Народный заседатель - Кто, по-вашему, виновник аварии?

Брюханов - Это решит суд.

Прокурор - Вы себя считаете главным виновником?

Брюханов - Я считаю, что это смена, Рогожкин, Дятлов и Фомин.

Народный заседатель - А Вы, как главный руководитель?

Брюханов - Я тоже.

Народный заседатель - Была система радиационных датчиков на ЧАЭС?

Брюханов - Да, система «ГОРБАЧ».

Народный заседатель - На каком-либо приборе велась регистрация МЭД больше 200 р/ч?

Брюханов - Только на АЭС. А в городе и на площадке работала лаборатория внешней дозиметрии..

Народный заседатель - Как, по-вашему, такие приборы должны были быть во внешней среде?

Брюханов - Наверное, нет. Слишком большие затраты.

Народный заседатель - Вы знали об уровнях радиации. На вашей совести жизни многих людей. Вызвали Вы хотя бы автобусы, чтобы увезти людей с АЭС?

Брюханов - Я не мог заниматься вопросами эвакуации в отрыве от эвакуации города.

Прокурор - Все ждали сигнала от Вас, а Вы ждали его от других.

Брюханов - У меня не было средств этого сделать.

Защитник - Если бы программа выполнялась без нарушений, авария произошла бы?

Брюханов - Нет, не произошла

(перерыв 16:30 - 16:45)

Председатель - Подсудимый Фомин, что Вы хотите сказать по поводу предъявленного Вам обвинения?

Фомин - Разрешите воспользоваться записями. (Долго говорил про душевную боль, переживания, сочувствие погибшим - Н.К.). Я убежден, что не программа явилась причиной аварии. В 1982 году и в 1985-м взрывов не было.

Свидетель М. Уманец показал, что проведение программы с соблюдением требований регламента обеспечило бы безопасность реактора. Причина аварии - в отступлениях от программы, в уровне мощности, в малом оперативном запасе реактивности, в отключении защит. Из-за слабой подготовки СИУРа мощность реактора была снижена до нуля.

В части подготовки персонала мы действовали согласно «Руководящих указаний...», ПТЭ, ПБЯ, и т.д. Нужны были тренажеры, но их нет до сих пор. По заключению ведущих физиков - атомщиков, РБМК является небезопасным реактором. Ведущий физик из ИАЭ Волков высказал соображения об изменении состава активной зоны. С ним согласилась комиссия из одиннадцати человек. Тем не менее, без нарушений это не привело бы к аварии.

Большая нагрузка по ремонтам и эксплуатации заставила меня, по вопросам ядерной безопасности, полагаться на ЗГИС по науке Лютова, который знал 25.04.86 о готовящейся программе, но вместе со специалистами отдела ядерной безопасности проявил бездеятельность.

Работая по двенадцать и более часов в сутки, прихватывая выходные дни, я подготовил записку об изменении структуры управления ЧАЭС, о выделении третьей очереди станции в самостоятельную АЭС. Много времени отнимали вопросы аварийности. Аварий было меньше, чем на других АЭС, а станция работала устойчивее, чем другие. Занимаясь всеми этими вопросами, я, видимо, недостаточно уделял внимание контролю деятельности своих заместителей. Следует отметить и длительную мою болезнь, сломанный позвоночник, за четыре месяца до аварии.

В оценке радиационной обстановки я участия не принимал.

Персонал, который приехал на смену утром 26 апреля, был нужен для расхолаживания 3 блока.

По сведениям Красножона, МЭД в машзале не превышала 1000 мкр/час. Поэтому персонал мы держали там для проведения аварийных операций.

Об оповещении думал, что начальник штаба ГО и директор это уже сделали. Конечно, его нужно было продублировать.

Это все.

Председатель - Почему Вы утвердили программу, которую сами считаете ошибочной?

Фомин - В 1982, 84 и в 85 годах при выполнении программы сигнал АЗ-5 на реактор шел от закрытия СРК на турбине. А в 1986 году были внесены изменения в этой части. Сейчас мне ясно, что программу следовало согласовывать со специалистами. Незачем было оставлять аппарат на мощности, если все ТГ стоят. Монтаж кнопки МПА на аварию никак не подействовал, так как мы использовали лишь часть логики системы безопасности.

Что касается включения 4-х ГЦН на каждой стороне реактора, то это не нарушение. Такие условия создаются, например, при переходе по ГЦН.

Что касается отвода пара, то предполагался его отвод через БРУ-К.

Отключение САОР является нарушением, но к аварии это нарушение не привело. Я считаю нарушения пунктов программы главной причиной аварии. Прежде всего - снижение мощности реактора до 200 мвт.

Прокурор - Почему не был создан учебно-методический совет, председателем которого должны были быть Вы?

Фомин - Предписание об этом было получено в 1983 г. Я считал, что оно было выполнено. За этим смотрел Назарковский.

Прокурор - Почему допуск к дублированию и к самостоятельной работе НСБ, НСС, НС проводился не руководством АЭС?

Фомин - По ПТЭ это должны делать директор, ГИС и их заместители.

Прокурор - Почему Вами не выполнялся график обхода рабочих мест и просмотр оперативной документации?

Фомин - Обход проводился регулярно, но записей я не делал.

Прокурор - Последняя запись сделана 18.03.85, это был Ваш последний обход?

Фомин - Я вышел на работу в конце февраля 1986 г., режим работы был кабинетный, ходить было больно, врачи не рекомендовали выходить на работу, но я вышел в интересах дела.

Прокурор - Почему в должностных инструкциях отсутствуют необходимые требования о функциях руководителя. Начальник РЦ-2 писал свою инструкцию сам.

Фомин - Должностные инструкции утверждает директор.

Прокурор - Почему Вами не расследовались все случаи аварий и отказов?

Фомин - Я держал все аварии и отказы на контроле. Но оказалось, что Назарковский недостаточно добросовестно вел делопроизводство. Я считал, что он работает добросовестно.

Помощник прокурора - Кто был инициатором испытаний?

Фомин - Инициатором испытаний был электроцех, хотя ему этот режим выбега практически не нужен. Но он зафиксирован в проекте, значит, надо было внедрять. Нам проверяющие делали замечания, что его нет. Электроцеху нужно было только проверить и настроить эти участки схем.

Прокурор - Брюханов знал, что будет выполняться программа?

Фомин - Он говорит, что не знал.

Прокурор - А Вы говорили ему об этом?

Фомин - Нет, не говорил.

Прокурор - Как, по-вашему, что могло бы предотвратить аварию?

Фомин - Если бы выведение АЗ-5 от закрытия СРК не было, блок остался бы цел.

Прокурор - Хорошо. А почему это в программе не сказано? Почему не сказано в разделе мер безопасности, что этого нельзя делать? Где в программе Лютов и физики? Почему здесь только электрики?

Фомин молчит.

Прокурор - Зачем отключили САОР?

Фомин - Это нарушение регламента и основных положений по безопасности.

Прокурор - Почему не было физиков, с кем Вы согласовали уровень мощности, на котором нужно проводить испытания?

Фомин - С Лютовым и с Гобовым мы обстоятельно обсудили уровень мощности.

Прокурор - Кто, по вашему, главный виновник аварии?

Фомин - Дятлов, Акимов, которые допустили отклонения от программы.

Прокурор - Когда Вы узнали о больших МЭД?

Фомин - По пути на 4-й блок. Около пяти утра я встретил Красножена. Спросил его об обстановке, он ответил - «Уточняю». Я сказал ему, чтобы он доложил мне обстановку на 4-й БЦУ. Позднее Глебов и другие сделали картограмму радиационной обстановки на промплощадке.

Прокурор - Вы были все время рядом с Брюхановым. Неужели Вы не обсуждали параметры обстановки? Вы встречались с Дятловым?

Фомин - Нет.

Прокурор - Вы знали, что утром было госпитализировано больше 100 человек?

Фомин молчит.

Прокурор - Вы были на совещании в горкоме?

Фомин - На совещании, которое вел Волошко, я не был. Я был на совещании министра.

Помощник прокурора - Блок №4 был принят в эксплуатацию 31.12.83 без испытания системы выбега. Вы знали это?

Фомин - Да.

Помощник прокурора - Брюханов об этом знал? Вы ему об этом доложили?

Фомин - Нет. Таких вопросов много на подобных предприятиях.

Помощник прокурора - Вы сами приняли решение провести испытание, или Вам указали сверху?

Фомин - Сам.

Помощник прокурора - А в 1982, 84, 85 годах кто утвердил выполнение программы и по чьему указанию?

Фомин - Утвердил я сам, без указания.

Помощник прокурора - Кто руководил работами по программе?

Фомин - Я.

Помощник прокурора - Директор знал о том, что идут испытания выбега?

Фомин - Нет.

Помощник прокурора - Вы ему говорили?

Фомин - Нет.

Помощник прокурора - Что подключается к системе выбега?

Фомин - Электрические насосы питательной воды.

Помощник прокурора - А Вы что подключили?

Фомин - Насосы питательной воды. Но при этом идет питание на все, что подключено к этой секции, в том числе и на ГЦН.

Помощник прокурора - Должно ли так быть в проекте?

Фомин - Да.

Помощник прокурора - Когда была авария на ТГ-7 в 1985 году, это были испытания на выбег?

Фомин

Помощник прокурора - Когда должны были остановить блок 4, и кто переменял дату?

Фомин - 23.04.86, но потом мы решили расхолодить реактор в выходные дни.

Помощник прокурора - Был ли приказ на остановку блока и кто его дал?

Фомин - Был приказ директора об остановке блока на ППР.

Помощник прокурора - Вы утвердили программу 21-го апреля, а 23-го программа должна была выполняться. Хватало ли этого времени на ее изучение?

Фомин - Черновик программы ранее был согласован во всех участвующих подразделениях.

Помощник прокурора - Знал ли директор о перенесении программы?

Фомин - Знал.

Помощник прокурора - Кто послал телеграмму в Харьков на вызов специалистов и зачем? Кто решал вопросы об оплате испытаний? (больше 6000 руб.)

Фомин - Телеграмму посылал я, нужно было провести виброиспытания ТГ- 8.

Помощник прокурора - Директор знал об оплате?

Фомин молчит.

Помощник прокурора - Видели ли Вы программу виброиспытаний?

Фомин - Видел на следствии.

Помощник прокурора - Должны были Вы ознакомиться с ней до начала работ?

Фомин - Она традиционна.

Помощник прокурора - Вам было достоверно известно, что виброиспытания проводили одновременно с выбегом?

Фомин - Я не предполагал.

Помощник прокурора - Совместимы ли два этих испытания?

Фомин - Несовместимы. Они требуют разных режимов работы ТГ.

Помощник прокурора - А вам известно, что это одна из причин аварии?

Фомин - Из материалов следствия это сделать невозможно.

Помощник прокурора - Брюханову было известно, что будут виброиспытания?

Фомин - Не знаю.

Помощник прокурора - Скажите прямо, Брюханов знал о выбеге?

Фомин - Нет.

Помощник прокурора - Это ваша вина, что Вы не сказали ему?

Фомин - (долго молчит) - моя.

Эксперт - Испытания 1982 г. отличались от испытаний 1986 г. Там не было кнопки МПА и 4-х ГЦН на сторону.

Фомин - Это был первый эксперимент, мы были осторожны.

Эксперт - Почему Вы опасались заброса в реактор холодной воды из САОР?

Фомин - Не следовало этого делать, но мы приняли решение кратковременно вывести САОР. Я не могу ответить, как это получилось.

(Дятлов улыбается).

Эксперт - Почему программу разрабатывал бригадный инженер Донтехэнерго Метленко?

(Дятлов улыбается)

Фомин - Конечно лучше, если бы программу делал технолог.

Эксперт - Вы говорили, что программа повторяла программу 1984 года. Так?

Фомин - Именно потому мы не стали согласовать ее со всеми, так как она уже показала свою безопасность.

Эксперт - Все эксперименты кончались неудачно, тем не менее, Вы подписали техническое решение (от 31 октября 1985г) о введении в работу блока выбега.

Фомин - Осталось проверить только время, в течение которого за счет выбега могут работать питательные электронасосы.

Эксперт - Почему же вывели технологические защиты?

Фомин - Трудно сказать, тут можно предположить несколько вариантов.

Эксперт - По вашему мнению, почему мощность реактора была снижена до 200 мвт, вместо 700 мвт?

Фомин - Думаю, что персонал интуитивно предполагал, что чем меньше уровень мощности, тем безопаснее.

Эксперт - Но при обсуждении уровня мощности Дятлов требовал 200 мвт, а специалист - физик Крят настойчиво требовал 700 мвт. Вы знали об этом?

Фомин - Да.

Эксперт - Вы знали о том, что запас реактивности утром 25 апреля был меньше 15 стержней?

Фомин - Крят знал, что запас реактивности был меньше 15 стержней, а НСС на утренней оперативке 25 апреля этого мне не сказал.

Эксперт - Почему физики оказались отлученными от программы?

Фомин - Здесь был не переход по насосам, где требуется представитель ОЯБа, а включение дополнительного насоса. Кроме того, ЗГИС по эксплуатации сам грамотный физик. И потом, ОЯБ был на оперативном совещании 25 апреля в 11.00 и знал об испытаниях. Они знали что будут испытания, знали, что запас реактивности меньше 15 стержней, тем не менее не выставили специалиста в помощь СИУРу, для консультаций.

Эксперт - Вы не считаете, что особенности реактора проявились после аварии? До этого Вы их не знали?

Фомин - Я считаю, что мероприятия по безопасности, которые введены теперь, говорят об имевших место недоработках реактора. Кроме того, думали что паровой эффект будет минус, а он везде был плюс.

Эксперт - На ЧАЭС были положительные выбеги реактивности при массовом сбросе стержней СУЗ?

Фомин - Нет. Были данные по Смоленской и Курской АЭС.

Эксперт - А вы читали книгу Емельянова и Доллежала о РБМК?

Фомин - Читал.

Эксперт - Мощность реактора до аварии часто бывала больше 3400 мвт, это есть в предписаниях ГАЗН. Чем Вы это объясните?

Фомин - Были несоответствия между «Призмой», СФКР и тепловым балансом. Симонов сделал нам замечания.

Эксперт Мартыновченко - В акте Симонова основное место занимали случаи нарушений технологического регламента. Вы отнеслись к этому формально. Почему?

Фомин - Я не помню на ЧАЭС случаев систематического нарушения технологического регламента.

Мартыновченко - В одном из актов по факту останова блока сказано, что реактор остановлен по предписанию ГАЗН. Как Вы считаете, это серьезная причина?

Фомин - Да.

Эксперт - Когда Вы узнали, что активная зона разрушена?

Фомин - Во второй половине дня 26 апреля, когда я объезжал территорию АЭС и увидел график.

Эксперт - Начальник РЦ-2 доложил Вам в 10 утра, что воду подавать не надо, реактор разрушен.

Фомин - Он этого не говорил. Ситников говорил, что есть отдельные разрушения.

Эксперт - Вы, по ГО, являетесь командиром специальных формирований. Утром 26 апреля на ЧАЭС было 600 человек из этих формирований. Чем была обусловлена необходимость их вызова?

Фомин - Я не воспринимаю эту цифру. Начальники цехов сами вызывали нужных им людей.

Эксперт - Кто разрешил произвести пересменку?

Фомин - По запросу НСС разрешил я.

Председатель – у защиты, у потерпевших есть вопросы?

Лютков М.А. - (ЗГИС по науке, выскочил на трибуну) - Я не знал, я не знал о программе! Тут говорят, что знал, а я не знал!

Председатель - У вас есть вопросы к Фомину?

Лютков - Нет.

Председатель - Тогда сядьте, это не вопрос. Вас мы допросим позднее.

Защитник Фомина - Лютков знал, что будут испытания?

Фомин - Знал.

Защитник Фомина - Он знал, что блок будет останавливаться?

Фомин - Знал.

Защитник Фомина - Вы говорите, что он самоустранился. В чем это выразилось?

Фомин - Он должен был обеспечить дежурство своих специалистов.

Защитник Фомина - По Дятлову, по его квалификации есть сомнения?

Фомин - Нет, он опытный специалист, инженер-физик.

Защитник Фомина - Кто исполнял обязанности ГИСа во время Вашей болезни, 4 месяца?

Фомин - Лютков.

Защитник Фомина - Программа разрабатывалась при его присутствии, он знал о ней?

Фомин - Знал.

Председатель - Когда появился черновик программы?

Фомин - В марте.

Председатель - А сама программа?

Фомин - В апреле.

Защитник Фомина - Почему Вы вышли на работу раньше выздоровления?

Фомин - Директор уезжал на 27 съезд КПСС и секретарь парткома, Парашин, попросил меня выйти на работу. Я отказывался. Он сказал, что не нужно будет вести оперативные вопросы, и я уступил.

Эксперт - Имея заочное образование, не по физике, на что вы надеялись, выполняя обязанности ГИСа?

Фомин - На должность ГИСа я не просился. А когда предложили, то не отказался. Кроме того, я рекомендовал директору подбирать мне заместителей из физиков. Ситников, Дятлов, Лютков - физики.

Защитник Дятлова - Считаете ли Вы нормальным, что в течении двух суток работами на блоке 4 руководил один Дятлов?

Фомин - У него были перерывы. Мы созванивались с Дятловым. Он отдыхал 25 апреля с 16 до 23 часов.

Защитник Коваленко - Почему Коваленко писал на себя должностную инструкцию сам? Противоречит ли это «Руководящим указаниям по работе с персоналом»?

Фомин - Я не могу сказать, я не читал (дословно - К.Н.).

Защитник Коваленко - Обязан ли был Коваленко присутствовать на программе выбега?

Фомин - Да.

Защитник Коваленко - Почему его фамилии не было в программе?

Фомин - Оперативную работу, как начальнику цеха, ему поручить нельзя. А контролировать работу своих специалистов, по программе, он мог.

Защитник Коваленко - Вы проводили совещание по программе?

Фомин - Не проводил, это делал Дятлов.

Защитник Коваленко - Чем предписывается обязательное присутствие Коваленко на испытаниях?

Фомин - Ничем.

Защитник Рогожкина - Если бы Вы узнали утром 25 апреля от НСС о запасе реактивности меньше 15-ти стержней, что бы Вы сделали?

Фомин - Остановил бы реактор.

Защитник Рогожкина - Где рабочее место НСС?

Фомин - На ЦЦУ, БЦУ. Где ему быть, он определяет сам.

Защитник Рогожкина - От кого Вы узнали об аварии?

Фомин - Около 4-х часов утра от НСС Рогожкина.

Защитник Лаушкина - Лаушкин знал о программе?

Фомин - Не знаю.

Защитник Лаушкина - А о выбеге?

Фомин - Не знаю. Об останове блока знал.

Защитник Лаушкина - Направлял ли Лаушкин Вам свои предписания?

Фомин - Нет.

Защитник Лаушкина - А руководству АЭС?

Фомин - Не знаю. Елагина и Фроловский давали. Шевченко тоже.

Защитник Лаушкина - Вы сказали, что на оперативном совещании был Люттов. В чем выразалась его бездеятельность?

Фомин - Он не организовал дежурство физиков 26 апреля и не доложил о снижении запаса реактивности.

Председатель - Скажите, какое образование у старшего инженера инспектора по ПТЭ А. Назарковского?

Фомин - Среднетехническое.

Председатель - А может ли человек с такой подготовкой качественно расследовать аварии на АЭС?

Фомин - Я постоянно помнил об этой проблеме и искал замену Назарковскому. К сожалению, не успел это сделать вовремя.

9. 07. 87

Заседание № 3, с 9 до 12.30

Председатель - Подсудимый Фомин, мы вчера подробно говорили об отступлениях от правил безопасности как в программе, так и в ее выполнении. Чем Вы объясните эти отступления, как главный инженер?

Фомин - Программа была составлена так, чтобы испытания были представительными.

Председатель - Вопрос не в этом. Как Ваш заместитель Дятлов мог допускать такие отступления, которые привели к аварии?

Фомин - Дятлов специалист опытный, стаж работы на ЧАЭС 9 лет, дело свое знает хорошо. Акимов я знал как грамотного, внимательного специалиста. Я наблюдал за его работой, будучи еще ЗГИСом. СИУР Топтунов был не очень опытен, не имел навыков работы в переходных режимах.

Председатель - Вопрос не в этом. Как Вы объясните отступления от правил безопасности, допущенные вашим персоналом?

Фомин - Не имея показаний Акимова, я думаю, что основные моменты своим авторитетом создал ЗГИС Дятлов.

Председатель - Вы читали показания Акимова. Кто определил основные отступления?

Фомин - Основные отступления были сделаны по команде Дятлова.

Председатель - Как Вы думаете, почему Дятлов на это пошел?

Фомин - Дятлов и Акимов, наверное, больше уделяли внимания распределению поля энерговыделения по радиусу и высоте. И упустили из внимания запас реактивности в переходном режиме. Этим я могу объяснить поведение людей, принимавших участие в опыте.

Прокурор - Кто назначил людей, участвующих в программе?

Фомин - Тот, кто утвердил программу.

Помощник прокурора - Кто утвердил Дятлова в качестве руководителя эксперимента?

Фомин - Ответственным руководителем Дятлова утвердил я.

Прокурор - Вы сказали, что Топтунов, погибший, был неопытным, молодым специалистом. Как Вы могли его назначить на такие сложные испытания?

Фомин - Кто будет участвовать в испытаниях, предугадать было трудно. Только неисправности на Южно - Украинской АЭС предопределили перенос испытаний во вторую смену.

Прокурор - Каков был средний уровень профессионального мастерства персонала станции? ГАЭН неоднократно указывал на недостаточную подготовку персонала, отсутствие тренажеров. Вы регулярно получали эти акты, но подходили к ним формально.

Фомин - Случаи нарушения технологической дисциплины, которые становились мне известными, мною разбирались и пресекались. Но люди есть люди, появлялись новые нарушения.

Прокурор - Свидетели на предварительном следствии говорили, что учеба на ЧАЭС велась формально. Эффекта от нее было мало.

Фомин - У нас регулярно проводились конкурсы профессионального мастерства, где показывались высокие результаты работы.

Прокурор - На конкурсах можно показать что угодно, можно найти несколько умелых людей. Меня интересует основная масса работников. Почему на ЧАЭС не было методического совета?

Фомин - Это мое упущение.

Прокурор - А еще чья это вина?

Фомин - Директора.

Прокурор - Что касается Топтунова. Вы говорили, что у него преобладало незнание. А у других участвующих в опыте, что преобладало - незнание, или пренебрежительное отношение?

Фомин - Скорее, пренебрежительное отношение от избытка знаний.

(Фомин держится увереннее и бодрее, чем вчера. Появились прежние нотки в голосе - Н.К.).

Фомин - У меня было убеждение в том, что коллектив ЧАЭС дисциплинированный, грамотный и квалифицированный. Это было видно из сравнения работы с другими АЭС. У меня была уверенность в стабильности коллектива.

Председатель - Не будем сравнивать с другими станциями. У вас было 39 нарушений по вине персонала. Это что, мало?

Фомин - Это за пятилетку и по всем блокам. На 4-ом блоке, я считаю, было мало.

Прокурор - Вы понимаете этот вопрос, к сожалению, неправильно даже сейчас, после всего случившегося.

Прокурор - Когда вы прибыли на ЧАЭС 26 апреля?

Фомин - Тяжело сказать, точно не помню. Где-то в пятом часу утра.

Прокурор - В вашем присутствии Воробьев не докладывал о радиационной обстановке?

Фомин - В моем присутствии докладов Воробьева не было.

Прокурор - Где Вы находились 26 апреля?

Фомин - На БЩУ-4, ЦЩУ, в бункере, в своем кабинете, выезжал в Припять.

Прокурор - Вы были вместе с Брюхановым? Вы были один, или вместе с другими специалистами?

Фомин - Я не был один, я был с людьми.

Прокурор - Тогда как же Вы, находясь с людьми, которые постоянно говорили о дозах радиации, совсем не знали о радиационной обстановке? Ваши ответы звучат очень неубедительно.

Фомин - Я действительно ничего не знал о больших дозах. Травмированного пожаром персонала в реакторном отделении уже не было. Кроме того, было множество вопросов, которыми мне приходилось заниматься. В том числе и по заданию московской комиссии.

Прокурор - В 4 часа утра никого из комиссии еще не было. Ваши люди вели доклады, давали информацию. Ваших людей с ожогами увозили в МСЧ. Вас что, это не интересовало?

Фомин - Интересовало. Но я появился в бункере перед пересменкой. Утром мне многое было неясно. И не только мне, но и представителям Главного конструктора, Главного проектировщика. Пока я не увидел во второй половине дня элементы графита на территории.

Прокурор - Верховному суду не верится, что постоянно находясь на станции, Вы ничего не знали о масштабах аварии и ее тяжести. Вы во сколько уехали со станции?

Фомин - Практически я жил на ЧАЭС до 1 мая, отдыхал в вентиляционной камере, в бункере ГО.

Прокурор - Тем более не понятно. Как Вы, будучи среди людей знающих обстановку сами оставались в неведении?

Народный заседатель - Фомин, почему у руководства станции и у персонала появилась беспечность, приведшая к аварии?

Фомин - На регулярных встречах с персоналом отмечались как хорошая работа станции, так и нарушения. Обращалось внимание на негативные стороны работы коллектива.

Председатель - Вопросов Фомину больше нет? Садитесь.

Председатель - Подсудимый Дятлов, что Вы желаете сказать суду?

Дятлов А.С. - На ЧАЭС я пришел заместителем начальника РЦ и работал на этой должности до 1979 г. Потом был назначен начальником РЦ-2, а в 1983 году - ЗГИСом по эксплуатации 2-й очереди ЧАЭС. Моя работа, в основном, была связана с чем - комплектация персонала, его подготовка, подготовка документации, организация контроля монтажа и т.д. Мне ставится в вину недостаточный контроль за действиями персонала при эксплуатации энергоблока. Сейчас я поясню, как проходил мой рабочий день:

В 8 часов утра - селекторная оперативка с директором. Потом я шел на блок. Ежедневно, с 9 до 13 часов я вел контроль рабочих мест, обходил оборудование, делал осмотр. В своей работе я опирался на заместителей начальников цехов по эксплуатации, с которыми ежедневно проводил оперативки, где мы

обсуждали эксплуатационные вопросы. В обязательном порядке, ежедневно посещал блочные щиты. Основное оборудование осматривал не реже одного раза в неделю. Не реже одного раза в месяц осматривал помещения от подвала до кровли. После обеда, а обедал я в конце обеденного перерыва, на блоки я уже мог не идти. После обеда я занимался документами, экзаменами, персоналом. Рабочий день кончался в 19 часов. Субботы проводил так же. Как видите, стиль работы совсем не кабинетный. Добавлю к этому и ночные посещения ЧАЭС.

По характеру я не мог не сказать об имеющихся нарушениях. Я сразу это доводил до персонала и требовал устранения нарушений. Сказать, что были нарушения технологического режима, которые накапливались и не устранялись - так сказать нельзя. На 3-м и 4-м блоках по вине персонала были АЗ - 1, 2, 5. Эти ошибки видны сразу, они, к сожалению, были. Но скрытых, невыясненных нарушений не было. Конечно, по сравнению с 1-й очередью у нас персонал был менее стабильный. До 30% персонала у нас менялось, уходили люди на 3-ю очередь.

Сказано, что я сам нарушал ТБ, технологический регламент, правила и нормы. Поскольку я сам технологических операций не производил, значит, это могло быть только через мои распоряжения. Я подумал об этом, время было и скажу вам, такого греха за мной нет. Полагаю, что это будет установлено.

На останов блока №4 я утвердил график с включением туда программы «Выбег». Почему я шел на это? Это проектное решение, которое нужно доводить до логического конца. Кроме того, было предписание инспекции, и программа была утверждена ГИСом. Т.е. оснований для не включения программы в график у меня не было.

На всех испытаниях останавливаться, наверное, не стоит. Они прошли успешно. Было два момента - не был готов ТЦ к проведению испытаний по вибрации на ТГ- 8. Кронштейны, на которых устанавливаются датчики, не были приварены к ТГ- 8. Отвечали за это начальник ТЦ Хоронжук и ЗГИС по ремонту Алексеев. Когда же ТГ- 8 был готов к испытаниям, диспетчер запретил нам выполнение программы с переменной нагрузки на ТГ, как это требовалось по программе.

Подготовлены были все люди, задействованные по этой программе, все приборы, вовремя и в срок. Из-за этого никакой задержки не было. Недостаток останова в том, что не было некоторых представителей цехов. Независимо от программы, они должны были быть на останове.

С программой знакомился только тот персонал, который должен был ее выполнять. Это смены Казачкова, Трегуба, Акимова. Трегуб хорошо знал программу. Акимов своевременно ознакомился с программой. Все люди были проинструктированы по этой программе.

Вменяется в вину, что работы проводились в спешке, с совмещением работ и в ночное время. Могу сказать, что никакой спешки не было, также как и совмещений. Есть показания Кабанова (ХТЗ), что они мерили вибрацию в процессе выбега. Но повлиять на реактор эти измерения никоим образом не могли. Выводы по этим измерениям вибрации для центровки и балансировки сделать было, видимо, нельзя. Поэтому, когда Акимов мне доложил об окончании измерения вибрации, я приказал ему готовиться к программе выбега. Тут ко мне подошел ЗН ТЦ Давлетбаев и сказал, что представители ХТЗ просят провести замер вибрации на свободном выбеге. Я ему ответил - «Нет. Мы по программе выбега реактор глушим, но если пара хватит, вы турбину подхватите и меряйте». Так что говорить о спешке, о накладке нету оснований. Что касается ночного времени, то это было решение энергосистемы.

Мне ставят в вину, что я принял в эксплуатацию блок выбега без полномасштабных испытаний. Во первых, уже были проведены испытания на холостом ходу и успешно. После этого ГИС выпустил техрешение о вводе в эксплуатацию блока выбега с последующими окончательными испытаниями.

Следующий момент. Я подписал программу, якобы без глубокого предварительного анализа. Когда ко мне пришел Метленко в 1986 году, мы с ним детально ее обсудили в электрической части. Потом я ему сказал связаться с ЧППП, РЦ и ЦТАИ для внесения корректив и подписания. Я с ним обсуждал только электрическую часть, потому что остальное с ним обсуждать было бесполезно. Технологическую часть я обдумывал сам, считая, что знаний у меня достаточно. Последовательность выполнения программы была мною продумана заранее, и никаких вопросов тут быть не может.

По вибрации оборудования. При остановах ГЦН, а я видел сотни остановов, никаких вибраций не было. Есть вибрация 18 герц, что вдвое ниже, чем частота при выбеге (35 герц).

После согласования программы с цехами мы собрались у меня в кабинете и подробно еще раз обсудили ее. Потом Метленко, наверное, отнес ее к Фомину на утверждение, точно не знаю.

Председатель - Фомин, как Вы получили программу?

Фомин - Как обычно, через канцелярию, по почте.

Председатель - Перерыв на пятнадцать минут.

(перерыв с 12:30 до 12:45)

Председатель - Продолжайте, Дятлов, пожалуйста.

Дятлов - Включение четырех ГЦН на сторону не запрещено никакими документами. Более того, оно часто осуществляется, например, при переходе по ГЦН. В ином случае это было бы оговорено какими-

нибудь ограничениями. Расход по КМППЦ никаким документом не ограничен, ограничены только расходы через ТК. Сигналов о нарушении уставок СРВ и ПРВ при включении ГЦН не было, значит не было и причин для запрета включения четвертого ГЦН. Когда параллельно работающие насосы питаются от источников с различной частотой, необходимо рассмотреть, не будет ли многократных хлопков обратных клапанов. КМППЦ реагирует только на давление, на напор, который падает у насосов запитанных от выбега. Кроме того, на ГЦН есть АЗ при расходе 5000 м³/ч. До 5000 м³/ч никаких закрытий обратных клапанов быть не может. Поэтому при расходе 5000 м³/ч аварийная защита отключает насос и он нормально, как всегда, останавливается.

При выполнении программы выбега мы до этого расхода не дошли. Все расходы были более 5000 м³/ч. Нет никаких оснований говорить о том, что это могло привести к гидравлической неустойчивости.

Теперь, почему мы нашли возможным отключить САОР.

1. В соответствии с проектом, САОР предназначена для охлаждения активной зоны при МПА, которая рассчитана проектировщиками с вероятностью 10^{-6} событий в год на реактор. Пусть мы отключили САОР на 12 часов, тогда вероятность МПА в этом периоде оставляет 10^{-9} событий в год на блок. Это крайне малая вероятность.
2. Кроме того, ПТЭ допускает (§29, 29А) работу реактора на мощности, по распоряжению ГИСа, без САОР. При подключении кнопки МПА трудно учесть все нюансы по обводной цепочке или ошибок персонала, мы боялись заброса холодной воды в горячий реактор. Обоснованно ли мы боялись этого события? Да. В новом перечне исходных событий для аварий внесено несанкционированное включение САОР. Эти причины я считал достаточными для отключения САОР.

Теперь по кнопке МПА. Сказано, что на нее не было документации. Кнопка была временная, указаны были клеммы, куда ее подключать. Кроме того, говорить о кнопке МПА, когда отключена сама система САОР - чисто излишне.

О программе. Говорилось, что меры безопасности были недостаточными. Это неверно. Во первых, сама программа - это меры безопасности. Что делать и как безопасно делать, определяет сама программа. Экспертами по программе сделано замечание, что не предусмотрено присутствие отдела ядерной безопасности при переходе по ГЦН. Это не так. Пункт 19.4.1 «Инструкции по управлению РБМК» экспертами дочитан не до конца. Там сказано, что этот порядок (с приглашением ОЯБа) действует до особого распоряжения. Такое распоряжение было дано. Это формально.

По ГЦН. Чем меньше мощность, тем меньше реактивность вносимая при включении ГЦН. Это видно по диаграмме СФКР. Говорят, что был нарушен п. 16.2 ПБЯ. Он говорит, что при переключениях в технологических целях нужно предусмотреть компенсацию реактивности автоматическим или ручным способом. При включении ГЦН изменений реактивности не было. Отключения ГЦН тоже не было. Они отключились уже на разрушенном реакторе.

Теперь по поводу пара. Здесь вопросов не было ни у кого. Ни до отключения ТГ, ни после. Никакого катастрофического роста давления до окончания испытаний не было.

Еще о программе. Любая программа предполагает отступление от того или иного документа. Другое дело, что нужно оценить возможность такого отступления и его необходимость. Иначе все можно было бы делать без программ. Согласование программы с другими организациями (ГАЭН, НИКИЭТ и т.д.), так это дело ПТО, который должен следить за правильным оформлением программ. Для регистрации у нас есть канцелярия, а ПТО - отдел со специалистами. На ЧАЭС существовало распоряжение о том, кто, куда и с какими вопросами может выходить. Кроме того, ГИСу я сам говорил у него в кабинете, что программа не согласована с вышестоящими организациями. ГИС на это не отреагировал.

Теперь об останове реактора. Да, он был остановлен с опозданием. В связи с гибелью Акимова теперь мы не знаем, почему он запоздал с остановом. Но на причины аварии это не повлияло (дословно - Н.К.). Было сказано, что нельзя было выводить АЗ-5 по останову двух ТГ. Но это было сделано в соответствии с технологическим регламентом и не влияло на развитие аварии. При мощности менее 100 мвт (электрических) эта защита должна отключаться. Поэтому нарушения регламента здесь нет.

Отключение САОР не повлияло ни на развитие аварии, ни на ее причины. Во первых - для такой аварии САОР не предназначена. Во вторых - она бы все равно не включилась, так как сигнала МПА не было. Вручную оператор ее, без сигнала, выключать не станет, нет оснований. В третьих - баллонная САОР была разрушена при взрыве в первые секунды, была обесточена вся арматура САОР. Когда я подошел к панелям безопасности на БЦУ, все три панели были темными. Причин не знаю.

Теперь о запасе реактивности. На работу с запасом реактивности меньше 26 стержней РР было разрешение ГИСа. С 24.00 запас реактивности выше 26 стержней РР не поднимался, а значит и не было причин для получения нового разрешения.

По йодной яме. Во время провала мощности меня на БЩУ не было. Я делал осмотр блока. В такие моменты (останов блока) обычно выявляются разные дефекты, поэтому я всегда делаю обходы. Но я помню, что у пульта СИУРа были Топтунов, Акимов, Проскураков и Кудрявцев. Акимов сказал, что мощность снижалась до 30 мвт. Когда я пришел, было уже 50 -70 мвт, и я не стал запрещать подъем. У экспертов, по диаграмме, сказано, что в течение 3-4 минут мощность была нулевой (Мартыновченко). В то же время есть показания Топтунова, что мощности ниже 30 мвт не было. Я считаю, что никаких оснований у Мартыновченко для такого вывода не было. Нарушений регламента здесь не было.

Еще раз о выведении защиты АЗ-5 по отключению двух турбогенераторов. При снижении электрической мощности блока ниже 100 мвт (электрических) можно эту защиту выводить без разрешения. Акимов и вывел ее, не спрашивая меня. А я ему такого указания не давал.

Все защиты, которые были выведены, и должны были быть выведены. Например, защита по снижению уровня в БС до минус 600 мм. Ее просто не перевели, при снижении мощности, из АЗ-1 в АЗ-5, как это должно было быть. Но была в работе защита по минус 1200 мм, от других датчиков. Таким образом, ничего лишнего сменный персонал не отключил. Все защиты соответствовали регламенту.

Мне вменяется в вину, что я дал Акимову указание снизить мощность реактора с 760 мвт (как это было на 24ч 00м) до 200 мвт, в результате чего начались процессы отравления, и запас реактивности снизился ниже 15 стержней РР. Такого распоряжения Акимову я не давал. В показаниях Акимова такого нет. Это есть в показаниях Трегуба. Я считаю, что этот вопрос мы можем выяснить в процессе судебного разбирательства.

Провал мощности до 30 мвт я ни в коем случае не ставлю в вину Топтунову. У любого оператора при переходе на другой регулятор есть провалы. У одного больше, у другого меньше. Кроме того, регулятор, на который он перешел, был неисправен. После этого провала Акимов сам предложил подняться только до 200 мвт, хотя в программе было 700 мвт. Испытания кончались, зная запас реактивности на 24ч 00м, я принял решение подниматься только до 200 мвт.

Вменяется в вину, что при останове ТГ-8 я не принял мер по заглушению реактора. Я не видел, что реактор не заглушен. Я находился от пульта СИУРа примерно в 10 метрах.

Никакой самоуверенности при работе с реакторами у меня не было. Я не различал на реакторе важного и неважного. Для меня было все важным на реакторе. Именно так я всегда и делал. До ЧАЭС под моим руководством было собрано, испытано и введено в строй более 40 активных зон реакторов. На ЧАЭС я участвовал в пуске 1, 2, 3 и 4 блоков. Работать на реакторе я не боялся. Но никакой фамильярности у меня с реакторами не было.

Как мы распределили действия по останову:

- Кириенбаум - останавливает ТГ;
- Акимов - наблюдает за пуском дизель-генератора и дает команду Топтунову на останов реактора;
- Газин и Трегуб стоят возле панелей управления ТГ;
- Проскураков и Кудрявцев стоят рядом с Топтуновым;
- Я стою возле приборов ТГ.

Отключили ТГ. Все было тихо, шло как обычно. Потом я услышал разговор, обернулся - Топтунов что-то говорил Акимову. Что говорил Топтунов, я не слышал. Акимов ему сказал - глуши реактор. Но, по моему, Топтунов ему сказал - АР вышел на НК. В этом ничего необычного и опасного нет. И Акимов ему сказал - глуши реактор. Я перевел в уме частоту 35 гц в обороты. После этого был первый удар. Вслед за ним был второй, более сильный. Он был продолжительным, или это было два удара, слитых в один.

(перерыв с 14 до 15)

Дятлов (продолжает) - Как я сказал, через 1-2 секунды прошел удар большей силы, чем первый. Вначале я думал, что что-то произошло с деаэраторами. Я сразу подумал, что поскольку они находятся над БЩУ, сейчас может хлынуть горячая вода. Я сразу дал команду перейти на РЩУ. Но когда села пыль, отлетела плитка с фальшпотолка, я команду отменил. Стали смотреть приборы. Картина была плохая. Все 8 ГПК открыты. В БС уровня воды нет. Стержни СУЗ вошли в зону не глубже 4 метров. Дал команду Акимову включить еще два дизеля, насосы охлаждения реактора аварийной и неаварийной половины. Так как арматура была обесточена, я послал НСРЦ Перевозченко открыть хотя бы по одной задвижке на каждой стороне. Скоро он пришел и сказал, что задвижки на напоре насосов открыты, но подать воду в КМПП нельзя, так как разрушена баллонная САОР, где находятся задвижки КМПП.

Я подошел к пулту СИУРа. Мощность по СФКР была ноль, по камерам СУЗ - ноль. По реактиметру - небольшой плюс с колебаниями. Стержни СУЗ, в основном, были на уровне примерно 4 метра. Что произошло, я тогда еще не знал, но понял, что авария очень серьезная. Я пошел в ЦЗ, вышел в коридор. В коридоре дым, пыль. Я вернулся, сказал включить вентиляторы для удаления дыма, а сам вышел в машзал.

В маизале обстановка была, говоря обыденным языком - кошмарная. Технически - на отметке +5,6 м от ПЭНов били струи горячей воды, видны были вспышки коротких замыканий у щита управления насосами. Я пошел дальше. Плитой кровли перебило маслопровод ТГ-7 и масло (примерно 100 тонн) вытекало в маизал. Там уже были работники ТЦ, там был Давлетбаев. Сразу приняли решение слить масло в цистерну аварийного слива.

Затем я пошел на БЩУ. В первые минуты я понял, что ТВС погибли, разрушены. Через небольшое время я понял, что и реактор разрушен, погиб безвозвратно. В ЦЗ невозможно было пройти из-за завалов. Пытались пройти, но хорошо, что не могли пройти, все погибли бы. Я думал, что схему "Е" подняло, порвав компенсаторы, а потом она села на место. Так я предполагал.

Когда я снова вышел в коридор, дыму было уже меньше, хотя времени прошло немного. В коридоре увидел обожженного водой Кургуза. Сказал сопровождавшим его людям идти к АБК-2, подойдет скорая помощь.

Вернувшись на пульт, я сразу сказал Акимову, и он это исполнил, вызвать пожарную охрану со всем усилением.

Вышел на улицу, обошел вокруг блока. Увидел разрушения, пожары на кровле, разрушенную САОР. Подошел к 3-му блоку, там уже стояли пожарные машины. Но они проехали к РЩУ блока 3. Я спросил - кто старший, мне показали Правика. Я показал ему коллектор сухотрубов на кровлю 4-го блока.

Через 3-й блок я прошел на БЩУ -3. Посмотрели с НСБ Багдасаровым, что мешает работе. По первичному осмотру мне сказали, что никаких причин для останова блока нет.

Я пошел на БЩУ-4, вызвал ЗНЭЦ Лелеченко. Сказал ему и Акимову обесточить механизмы, чтобы не было ложного включения, оставить в работе только безусловно необходимые. Щиту 6 киловольт ничего не угрожало.

Была дана команда по вытеснению водорода из ТГ.

Так как были пожары на кровле, я снова вышел на улицу и снова пошел вокруг блока. Пожары еще не были ликвидированы. Тогда я пошел на 3-й блок и приказал его остановить. НСБ Багдасаров сказал, что ничто не мешает работе, и позвонил НСС. Тот сказал, что нужно согласовать останов блока с Брюхановым. Но я сказал - глушить немедленно.

Председатель - Ваш рассказ выходит за пределы обвинения. Вы считаете, что это необходимо нам рассказывать?

Дятлов - Да, это связано с последней частью обвинения.

В какое-то время на БЩУ-4 пришел начальник смены ОТиТБ Самойленко. По центру БЩУ прибор со шкалой 1500 мкр/с зашкаливал, по сторонам - по 400. Я подумал, может быть лучше пойти на РЩУ. Замерили фон там. Окна были выбиты, поэтому там было больше 1500 мкр/с. Я сразу начал удалять лишних людей. Группу Метленко, Кабанова. Удалил Кириенбаума и Топтунова. Оставил Столярчука и Акимова. Перевозченко доложил, что нет Ходемчука и двух операторов ЦЗ, но те быстро нашлись, они Кургуза уводили. Начали мы искать Ходемчука. Его не было видно в помещении ГЦН. Один ГЦН был обрушен упавшим на него краном. Перевозченко по консоли добрался до приваленной двери помещения № 435 (операторов ГЦН). С нами был Ювченко и дозиметрист, но тот после замера ушел. Открыть дверь было невозможно. Перевозченко кричал, но ответа из-за двери не было.

По дозиметрии. Дозик Горбаченко выбыл сразу же. Он помогал относить Шашенка. Второй дозиметрист был на щите КРБ. Разделить третьего дозиметриста между всеми было невозможно. Мне было ясно, что сделать что-либо своими силами мы не сможем. Делали только то, что могло предотвратить новые пожары, и пытались отыскать людей.

Председатель - Нас интересуют данные по вашему обвинению.

Дятлов - Нарушения были такие: по двум или трем ГЦН расход воды был больше 7000 м³/ч, что регламентировано запасом до кавитации. Это ни к чему не привело, что объективно зафиксировано. Если бы была кавитация, то это привело бы к потере расхода насоса, что зафиксировал бы телетайп.

Опоздание с нажатием кнопки АЗ-5. Нажали бы мы раньше, взрыв случился бы раньше. То есть взрыв был обусловлен состоянием реактора. Я дал команду остановить мощность реактора на 200 мвт, так как считал, что реактор соответствует уровням безопасности принятым в СССР, а также соответствует документации, выдаваемой на БЩУ отделом ядерной безопасности. Я считал мощностной эффект отрицательным. Поэтому при снижении мощности мы в реактивности не должны были проиграть. За счет отравления, при снижении мощности с 700 до 200 мвт мы могли потерять не более 1,5 стержней РР. И в этом я не ошибся. Оперативный запас реактивности был не 1,9, не 6,4, а по крайней мере 11 стержней в момент нажатия кнопки АЗ. Эта кнопка вместо глушения сыграла роль запала. А дальше все пошло за счет положительного мощностного коэффициента, который, как сказал НИКИЭТ, всегда отрицательный. У меня все.

Прокурор - Зачем нужно было издавать распоряжение о внедрении блока выбега? Какой в этом смысл?

Дятлов – Смысл, безусловно, был. Во первых, на холостом ходу испытания прошли успешно. Во вторых - было техническое решение ГИСа, которому я подчинился.

Прокурор - Вы признали, что в программе нужно было записать о глушении реактора?

Дятлов - Да.

Прокурор - Но в ней не было записано выводить защиты.

Дятлов - Да. Но этого требовала обстановка. Кроме того, правила это позволяют.

Прокурор - В ряде вопросов Вы вышли за пределы своей компетенции. Есть ЗГИС по науке, есть ОЯБ. Почему Вы с ними не согласовывали свои действия?

Дятлов - Лютов имеет такую же по уровню должность, поэтому согласовывать с ним или не согласовывать мои действия, должен был решить ГИС.

Прокурор - Почему Вы согласились проводить эксперимент без согласования программы с Научным руководителем, Главным конструктором и т.д.?

Дятлов - Это должны были сделать ПТО и ГИС.

Прокурор - По кнопке МПА. Ваша самостоятельность. Ее то хотя бы нужно было согласовать? Я говорю по формальной стороне.

Дятлов - К тому, что я сказал, я добавить ничего не могу.

Прокурор - Хорошо. Вы помните показания Крята. На совещании у Вас, перед проведением программы, он категорически требовал иметь мощность не 200 мвт, а 700 мвт.

Дятлов - Показания Крята я помню, но Крята на совещании не было. Крят мог об этом говорить с Борцом, а я мог быть рядом и разговаривать с другими.

Председатель - Дятлов, отвечайте коротко, по существу.

Дятлов - У меня разговора с Крятом по этому поводу, 22 числа, не было.

Прокурор - Вы знали, что запас реактивности 25 апреля был меньше 15 стержней РР?

Дятлов - Я не знал об этом до 12-13 часов, но поскольку было такое распоряжение от ГИСа, я счел вправе работать дальше.

Прокурор - Фомин, Вы давали Дятлову распоряжение работать с запасом реактивности меньше 15 стержней РР?

Фомин - Такого распоряжения я не давал.

Дятлов - В деле имеются показания Коваленко, показания Фомина.

Прокурор - Хорошо, я знаю, что говорил Коваленко, вопрос пока снимаю.

Прокурор - 26 апреля, в 1ч 23мин запас реактивности был 8 стержней. Почему не был глушен реактор?

Дятлов - На 1ч 23мин 30 сек запас реактивности можно узнать на 5 мин позже (дословно – Н.К.).

Прокурор - Что Вас гнало? СЦК могла дать информацию по запасу реактивности, что Вам мешало подождать?

Дятлов - Вы не слушаете меня, перебиваете. Запас реактивности запрашивает СИУР, или НСБ. Я не оперативный персонал, к ключам доступа не имею.

Прокурор - Когда Вы увидели, что мощность реактора 30 мвт, почему Вы разрешили подъем, а не дали команду на останов?

Дятлов - Падение мощности до 30 мвт является не остановкой, а частичным снижением нагрузки. На тридцати мегаваттах может стать в автоматический режим даже рабочий АР. Поэтому я не дал команду на останов.

Эксперт - Почему было снижение мощности? Это было АЗ, или снижение мощности?

Дятлов - Это не выяснено. У СИУРа было записано - кратковременная АЗСР. Но телетайп и ДРЭГ этого не зафиксировали. Во время случившегося меня на БЩУ не было, сигнализации я не видел.

Эксперт - Когда последний раз запрашивали запас реактивности?

Дятлов - У СИУРа я спрашивал около 1 часа. Он ответил - то ли 18, то ли 19 стержней. Я точно не помню. Но это совпало с моим ожидаемым значением.

Эксперт - Перед тем как Вы приступили к выполнению выбега, Вам все операторы доложили свою готовность?

Дятлов - Только так.

Эксперт - А Вы знали параметры СИУБа ?

Дятлов - В основном да, по шести ГЦН все было в норме. Мне обо всем докладывал Акимов.

Эксперт - Вы видели распечатки ДРЕГа, как вели себя ГЦН в процессе выбега?

Дятлов - Я видел графики, сделанные по распечаткам ДРЕГа.

Эксперт - Как они вели себя?

Дятлов - Нормально. Расходы по ГЦН колебались нормально для 4 блока. У нас были колебания показаний расходов на блоке 4. Ток у ГЦН был стабилен, как и на других блоках, а показания расходов колебались до 5% при нормальной работе. Я давал указания заместителю начальника ЦТАИ проверить импульсные трубки.

Эксперт - Вы сказали, что перед останом блока АР вышел на НК. Чем это можно объяснить?

Дятлов - За одну минуту до останова расход питательной воды был приблизительно 700 тонн в час на сторону. Потом СИУБ уменьшил его до 250 т/ч суммарно по обеим сторонам. Это внесло положительную реактивность. Кроме того, расход по КМПЦ был несколько снижен из-за выбега ГЦН. Это тоже дало плюс запасу реактивности.

Эксперт - Значит, разгон реактора был этим и обусловлен?

Дятлов - Ни в коем случае. Изменение мощности происходило так, как обычно бывает при работающем автоматическом регуляторе мощности.

Эксперт - Вы согласны, что было повышение запаса реактивности?

Дятлов - Да, но величина реактивности была безусловно меньше, чем возможности регулятора к ее подавлению.

Эксперт - Какие аварийные проявления были при нажатии кнопки АЗ?

Дятлов - Никаких проявлений не было. Метленко отключил ТГ после первого удара.

Эксперт - Вернемся к разговору Акимова с Топтуновым. Все знали, что реактор должен был быть заглушен до останова ТГ. Вы слышали, что Акимов говорил СИУРу - глуши реактор! Значит до этого он не был заглушен?

Дятлов - Да, и я это отметил.

Эксперт - По совмещению работ по измерению вибрации с выбегом, что можете сказать?

Дятлов - Замер вибраций машиной «Мерседес Бенц» осуществляется практически мгновенно. Для этого не нужны особые условия, пожалуйста, используйте любую паузу.

Эксперт - Снижение мощности реактора, с 200 до 30 мвт, снижает запас реактивности или увеличивает? Обращаюсь к вашим знаниям, как к физике.

Дятлов - Если мощностной эффект положительный, то запас реактивности будет падать. Если мощностной эффект отрицательный, то расти.

Эксперт - А других эффектов нет?

Дятлов - (рассказал о влиянии давления в БС, отравления, изменения температуры графита). Нужно смотреть только быстрые эффекты.

Эксперт - Из каких компонентов складывается мощностной эффект?

Дятлов - Какой? Быстрый или полный?

Эксперт - Полный!

Дятлов - Это что, экзамен по физике? Я этот вопрос Вам задам!

Председатель - Дятлов, ведите себя прилично. Если не хотите отвечать на вопрос, то так и заявите суду.

Дятлов - Хорошо.

Эксперт Мартыновченко - В 1986 году Вы не отметили в журнале ни одного обхода.

Дятлов - На ЦЩУ хранится журнал ночных обходов. А дневные обходы в специальном журнале не фиксируются. Делаются записи в оперативных журналах.

Эксперт Мартыновченко - Вы считаете, что работали в соответствии с «Руководящими указаниями»?

Дятлов - Да.

Председатель - Кто и кого инструктировал перед проведением программы?

Дятлов - (рассказал все очень подробно – Н.К.).

Эксперт Мартыновченко - Зачем нужно было выводить защиты, а потом вручную глушить реактор?

Зачем эти усложнения?

Дятлов - По-видимому, Акимов боялся срабатывания АЗ из-за падения давления в БС в процессе снижения мощности реактора. А потом, возможно, забыл ее включить. Ко мне он по этому вопросу не обращался. О том, что защиты выведены, я не знал.

Эксперт - Знал ли НСС о проводимой работе?

Дятлов - Знал.

Эксперт - Вы согласовывали с ним отступления от программы?

Дятлов - В части подъема мощности реактора до 200, а не до 700 МВт, не согласовывал.

Эксперт - Что Вы доложили ГИСу 26 апреля?

Дятлов - Я его 26-го не видел.

Эксперт - А директору?

Дятлов - Дал четыре диаграммы с блочных приборов и сказал, что произошла какая-то неправильная реакция СУЗ.

Эксперт - Почему Вы оставили людей на БЩУ после аварии?

Дятлов - Я оставил там минимум людей. Кроме того, в соответствии со своей должностной инструкцией, я должен был это сделать для предотвращения большего облучения (дословно – Н.К.). Я

знал, что там большие дозы, но не думал, что они смертельные. Если бы я не оставил людей для предотвращения пожаров, то уверен, на тушение их не хватило бы всех пожарных Украины.

Эксперт - Вы видели графит на улице?

Дятлов - Я делал два обхода блока, в 1.40 и в 2 часа с минутами. Графита я не видел. Было темно.

Эксперт - А Воробьев видел возле столовой 26 числа графит в 3 часа ночи, когда было тоже темно.

Дятлов - Я возле столовой не ходил.

(Эксперт задал несколько вопросов по гидравлике, Дятлов ответил).

Эксперт - На каких уровнях мощности паровой эффект больше?

Дятлов - Паровой эффект больше на меньшей мощности.

Эксперт - Вы были ответственным за программу выбега, а в ответственные моменты оказывались не в центре событий. Чем Вы можете это объяснить?

Дятлов - Когда конкретно?

Эксперт - Во время падения мощности реактора.

Дятлов - В это время проводились измерения вибраций турбины. Я был там. На БЩУ в это время никаких работ не проводилось.

Эксперт - Вы толкуете документы (регламент и т.д.) по своему. Вы посчитали возможным остановиться (после снижения мощности) на 200 МВт, вместо 700. Почему?

Дятлов - Да. Как руководитель испытаний я имел право несколько изменить условия, оставаясь в регламентных пределах. А 200 МВт это регламентная мощность.

Эксперт - Но на 700 МВт контролировать реактор, наверное, лучше, чем на двухстах. Как Вы считаете?

Дятлов - 200 МВт, это регламентная мощность. Мы ее контролировали с помощью всех штатных систем.

Эксперт - Вы знали распределение поля энерговыделения?

Дятлов - Знал.

Кудрявцева (жена погибшего от ОЛБ стажера СИУРа А. Кудрявцева) - Дятлов сказал, что Кудрявцев и Проскураков быстро вернулись из ЦЗ (они не дошли до ЦЗ, сказал Дятлов раньше). Что же они еще делали до 4 часов 30 минут?

Дятлов - Я им больше никаких указаний не давал. Я давал указания только Перевозченко.

Кудрявцева - Вы давали им указание покинуть блок?

Дятлов - Нет.

Кудрявцева - А во сколько они его покинули?

Дятлов - Где-то около 4-х часов утра.

Защитник Дятлова - Есть ли в материалах дела акты о предыдущих испытаниях выбега?

Дятлов - Есть.

Защитник Дятлова - С кем мог разговаривать Крят о допустимом уровне мощности?

Дятлов - С Борцом.

Защитник Фомина - Каким было Ваше личное участие в подготовке и составлении программы?

Дятлов - Метленко пришел ко мне с черновиком. Мы с ним его обсудили. Потом я ему сказал обсудить ее с ЦТАИ, РЦ и наладкой. Это он все сделал.

Защитник Фомина - Вы тогда не видели недостатков программы?

Дятлов - Нет.

Защитник Фомина - Вы обсудили ее с Фоминым?

Дятлов - Нет. О согласовании программы я сказал Фомину.

Защитник Фомина - Давал ли Вам Фомин согласие выводить защиту АЗ-5 по останову 2-х ТГ?

Дятлов - Нет, не давал.

Защитник Фомина - Вы считались самым опытным специалистом. Почему Вы не сказали Фомину, что нужно привлечь Лютова?

Дятлов - Я сказал Фомину, что она не согласована.

Защитник Фомина - Вы были удовлетворены своим служебным положением?

Дятлов - Вполне. Я никогда не стремился к карьере.

Фомин - Почему Вы не отказались выполнять программу, раз она не была согласована?

Дятлов - Я Вам об этом сказал, но Вы не отреагировали. Это был не первый случай, к сожалению.

Председатель - Фомин, Вы не хотите Дятлова еще о чем либо спросить?

Фомин - Ему нужно было выполнять программу без отступлений.

Защитник Коваленко - Проектный перечень программ был утвержден вышестоящей организацией.

Нужно ли было рабочую программу согласовывать с вышестоящей организацией и с ОЯБом?

Дятлов - Да.

Защитник Коваленко - Кто производил монтаж кнопки МПА на БЩУ? Нужно ли было на это получать особое разрешение?

Дятлов - Монтаж делал ЭЦ. А Коваленко подписал программу.

Рогожкин - Вы были на станции 25 апреля?

Дятлов - Да.

Рогожкин - Вы читали оперативный журнал НСБ-4?

Дятлов - Нет. Только выслушал устные доклады.

Защитник Лаушкина - Известны ли Вам предписания по ЯБ, подготовленные Лаушкиным?

Дятлов - Да. Он давал их мне.

Председатель - В какой части обвинения Вы признаете себя виновным? Уточните свою позицию. Конкретно.

Дятлов - 1) по двум - трем ГЦН расход превышал 7 тысяч м³/час;

2) опоздание с нажатием кнопки АЗ-5;

3) не стал говорить - повысить мощность до 700 мвт после провала;

4) по запасу реактивности меньше 15-ти стержней на момент сброса.

Все это я могу пояснить.

Председатель - Значит, по статье 220 признаете свою вину только частично?

Дятлов - Да.

Председатель - Подсудимый Коваленко, что Вы хотите нам пояснить?

(Коваленко вышел к свидетельскому столику)

Коваленко - После окончания Томского политехнического института (ФТФ, инженер-физик) работал на СХК (Сибирский химический комбинат) до 1975 года. Некоторое время работал освобожденным секретарем в комсомоле. На ЧАЭС начал СИУРом, потом (до апреля 1980 г.) старшим инженером по эксплуатации в РЦ-1. Потом, до 1983 года, начальником смены РЦ. С 1983 - ЗНРЦ по эксплуатации. С 1 октября 1985 г - НРЦ-2.

Предыдущие испытания по выбегу и их результаты мне не известны. Я знаю только те испытания, которые проводились в моем присутствии.

Я считаю, что ставить мне в вину подписание программы нельзя. Программа не предписывала выводить защиты. Что касается САОР, то персонал ЭЦ и ЦТАИ пояснил мне, что велика вероятность включения САОР от кнопки МПА, что могло привести к технологическим отказам. Поэтому я подписал отключение 3-х подсистем САОР<...>

Прошу затребовать в суд «Положение об РЦ-2,» утвержденное в 1984 году. В нем расписано, какие цеха и за что отвечают на оборудовании РЦ.

По обвинениям: Я не обеспечил присутствия на испытаниях ОЯБа, но это обязанность самого ОЯБа!

Я не мог быть ночью на блоке, так как должен был быть утром 26.04 на выполнении программы воздушного расхолаживания блока, на которую были вызваны спецы из НИКИЭТ. Накануне ГИС предупредил меня лично, чтобы я был на выполнении именно этой программы. А в ночь на 26 апреля должен был выйти старший мастер РЦ.

По обвинению в нарушении техники безопасности на взрывоопасном оборудовании. Ни технологический регламент, ни СНиП, ни паспорт ПБЯ на реакторную установку не относят РЦ к взрывоопасным предприятиям.

Прокурор - Вы несете ответственность за ядерную безопасность в реакторном цехе?

Коваленко - В соответствии с должностной инструкцией – несую.

Председатель - Вы можете назвать основную причину, по которой произошел взрыв?

Коваленко - Такой причины я назвать не могу.

Председатель - Наверное и никто не сможет такую причину назвать. Когда Вы ознакомились с программой по выбегу?

Коваленко - Метленко ознакомил меня с программой за 1-2 часа до первоначально назначенного времени выполнения программы. Я прочитал ее очень внимательно (15 мин).

Прокурор - Знали ли Вы о том, что одновременно проводились измерения вибраций?

Коваленко - Нет.

Прокурор - Вам никто не говорил об этом?

Коваленко - Нет.

Прокурор - Знали ли Вы о том, что утром 25 апреля запас реактивности был 13,2 стержня РР?

Коваленко - Да. Я узнал об этом из доклада НСС на утренней селекторной оперативке. Сразу в разговор вмешался Фроловский, на что ГИС ответил - этот вопрос мы решим отдельно. Я это понял как согласование дальнейшей работы. Позднее запас реактивности был более 17 стержней РР. Топтунов ушел домой, сдав смену. На следующий день я хотел взять с него объяснительную о снижении запаса реактивности.

Прокурор - Что должны были Вы сделать, узнав о снижении ОЗР ниже 15 стержней РР?

Коваленко - Заглушить реактор.

Прокурор - Вы чувствуете какую-то ответственность за случившееся в вашем цехе? Ваши люди, вашими руками сделали это!

Коваленко - Я думаю, что судебное заседание разберется в мере нашей ответственности.

Прокурор - Директор был на оперативке, где НСС доложил об ОЗР меньше 15 стержней РР?

Коваленко - Селекторная оперативка проводится директором, значит он был.

Эксперт - Вы, как специалист, представляли себе возможность разгона и взрыва реактора?

Коваленко - Ни в одном нашем документе, ни в одном нашем учебнике не сказано, что наши реакторы могут взрываться.

Эксперт - Что такое, по Вашему мнению, разгон?

Коваленко - Разгон, это расплавление топлива.

Эксперт - Кто оповестил Вас об аварии?

Коваленко - За мной прислали машину, и я прибыл на станцию примерно в пять часов утра. Директор выразил свое неудовольствие, что я поздно приехал. Потом было установлено, что мой телефон был неисправен. Мне директор поставил задачу идти на блок и каждые 15 минут докладывать обстановку.

Защитник Коваленко - Зная о том, что ОЗР меньше 15 стержней РР, Вы могли дать указание заглушить блок?

Коваленко - Я такими полномочиями не обладал.

Защитник Коваленко - А кто это мог сделать?

Коваленко - По регламенту это должен был сделать оперативный персонал.

Защитник Брюханова - Какие указания Вам дал Брюханов?

Коваленко - Я знал свои обязанности, поэтому мне достаточно было одного указания директора. Сообщая по телефону, я в основном выходил не на него, а на Геллермана и Комиссарчука.

Защитник Брюханова - Вы знали радиационную обстановку?

Коваленко - Идя на блок, я зашел на щит радиационного контроля и спросил об этом Красножсена. Он ответил, что на щитах 500, а далее - больше 1000 мкр/ч. Я спросил, а на сколько больше тысячи - 1200 или 100 тысяч? Он ответил - однозначно больше 100 тысяч.

Защитник Брюханова - Когда Вы покинули блок?

Коваленко - Приблизительно в 10 часов утра. Моего персонала на блоке уже не было. Покинул блок с разрешения ГИС по состоянию здоровья.

Брюханов - Я прошу уточнить, какая реакция и чья была на сообщение НСС о запасае реактивности меньше 15 стержней.

Коваленко - Фомин сказал, что этот вопрос будет обсужден позднее.

Защитник Фомина - Почему Вы не были на выполнении программы? ГИС вам давал указание присутствовать там лично?

Коваленко - Нет. Он дал мне указание присутствовать на другой программе, на следующий день.

Защитник Лаушкина - Вы сказали, что на селекторном совещании был Фроловский. Что он спросил?

Коваленко - Он просил уточнить запас реактивности, но тут связь прервалась.

Народный заседатель - В вашем цехе какое установлено оборудование, в обычном исполнении или взрывобезопасном?

Коваленко - В обычном исполнении.

Народный заседатель - Как, по-вашему, Вы в чем-то виноваты в этой аварии?

Коваленко - Я считаю, что моей вины в аварии нет.

Председатель - Значит Ваша подпись на программе - формальность?

Коваленко - Нет, но я объяснил ее смысл.

Председатель – Коваленко заявил ходатайство о приобщении к делу «Положения об РЦ». Какое будет мнение?

Суд – Удовлетворить.

(в 19:12 закончили)

10. 07. 87

Заседание № 4 11:00

Председатель – Подсудимый Рогожкин, что Вы хотите нам пояснить?

Рогожкин – Я хотел бы начать с 25.04.86, когда была разрешена заявка на останов блока 4 с выбегом (мы работали с 0 до 8:00). 25 апреля у Акимова программы не было. Я с Акимовым, в целом, с программой по прошлым этапам был знаком, так что мы могли с ним эту тему обсуждать, что и сделали. Была произведена разгрузка блока, но у нас с Акимовым было сомнение, что запас реактивности не упадет ниже 15 стержней РР. К 8:00 так и случилось, он стал 13,2 стержня. На селекторной оперативке я это отметил в 8:00. Фроловский переспросил: «сколько, сколько?», на что Фомин сказал – этот вопрос мы обсудим отдельно.

Председатель – Что Вы должны были сделать, когда ОЗР стал меньше 15 стержней РР?

Рогожкин – По регламенту мы должны глушить реактор. Но блок шел на останов, поэтому мы доложили об этом руководству и тем ограничились. Решили обойтись без крайностей, так как в инструкциях и в регламенте этот параметр не проходил как основной.

25 апреля я приехал на работу минут за 50 до начала смены и очень удивился, что 4-й блок не остановлен. Я спросил у своего сменщика Дика, что этому помешало? Дик ответил, что из-за дефицита электроэнергии диспетчер запретил останов блока днем. Мало того, блок еще не был разгружен, но к концу смены Дик разгрузил его до 760 мвт (т).

Познакомившись с работой 1-3 блоков, я вышел на Акимова. Спросил, разобрался ли он с программой. Потом получил разрешение диспетчера на проведение испытаний и снова позвонил Акимову. Спросил, как идет подготовка к работе по программе, все ли люди на месте, все ли проинструктированы. Когда я узнал, что ответственный руководитель по программе Дятлов, у меня отлегло от сердца. Дятлов очень требователен к персоналу, а Акимов чрезвычайно внимательный, грамотный НСБ. Я был уверен в них. Просил Акимова ставить меня в известность по любому факту отклонения от программы. Он так и делал.

После часа ночи я видел по приборам, как они синхронизировали ТГ-8, как набирали на нем нагрузку. Потом отключили ТГ-8, и его нагрузка упала до нуля. И тут я слышал глухой удар, похожий на падение тяжелого предмета. Через 15-17 секунд у меня началась системная авария (отключилась вторая система шин, трансформаторы, началась болтанка ТГ, мигало, без погашения, освещение. Через некоторое время режим болтанки прекратился. Я посмотрел на сумматор, мощность АЭС осталась прежней – 2500 МВт электрических. Я объявил по громкой связи – «режим застabilизировался, осмотреть вспомогательное оборудование!». После этого я позвонил диспетчеру и спросил, что у них случилось. Он ответил – ищи у себя, ты отделился от линии 330 киловольт.

В это время позвонил охранник ВОХР, спросил что у нас случилось. Я сказал ему: «Подожди, пока не до тебя».

Потом позвонил начальник караула ВОХР и сказал: «Горит 4-й блок, ворота открыты, пожарные приехали».

Я спросил по громкой связи у Акимова - что произошло? Он не ответил, но включил аварийное оповещение. Я побежал на БЩУ-4, возле второго блока встретил двух ребят в грязных комбинезонах. В районе 4-го блока была пыль, завал. Тогда я пошел по другому пути, через БЩУ-3. НСБ Багдасаров доложил, что у него аварийная ситуация, потеряны циркнасосы. Я отдал необходимые распоряжения и вышел в машзал. Там было плохо. Главную опасность представляли масло и водород. Летела пыль, кровля была обрушена, я был без каски. Решил вернуться за нею через БЩУ-3. Спросил у Багдасарова, что он знает об аварии на 4-м блоке? Тот ответил, что связи нет. Я велел сделать всем йодную профилактику. Вернувшись на ЦЩУ доложил в ЦДУ, что у нас авария с пожаром, возможно есть человеческие жертвы и, возможно, вскрыта зона реактора. После этого я снова побежал на БЩУ-4, там встретил Топтунова, Акимова, Дятлова. Спросил, что случилось? Дятлов развел руками и сказал: «Боря, мы нажали кнопку АЗ-5, а через 12-15 секунд блок взорвался». Я спросил Топтунова: «Ты на кнопку АЗ-5 нажал?». Он говорит - «Нажал! Но мне показалось, что стержни остановились, и на всякий случай я обесточил муфты».

Я посмотрел на приборы реактора: мощность 0, по сельсинам стержни на глубине от 0 до НК.

Глянул на другие приборы, в БС справа уровень 0, слева - показалось, что уровень есть. Спросил Акимова: «Воду подаешь?». Он сказал: «Подаю, но не знаю, куда она идет». Здесь же был НСРБ, он сказал, что фон больше 1000 мкр/сек.

Начальник смены РЦ Перевозченко доложил обстановку: пожаров у него нет, есть какое-то свечение в центральном зале, блики типа коротких замыканий. Нет троих людей.

Тут же я поговорил с НСРБ Самойленко. Поскольку его прибор ДРГ зашкаливал, я приказал вызвать все его руководство, доложить обстановку и найти необходимые приборы. Он мне сказал, что система «ГОРБАЧ» показывает «0» по блоку 4 и «заикает» по блоку 3.

Тут ко мне обратились из цеха наладки, сказали что нужен дозик чтобы вынести пораженного человека. Они знают, где он находится. Удачно подвернулся дозик и я его туда послал. Через некоторое время они вынесли Шашенка. Но у меня в смене еще 200 человек. (Это все было примерно в 1ч 40м – 1ч 50м). Я сказал Дятлову и Акимову, что ухожу на ЦЦУ, а их просил, по возможности, разобраться с ситуацией. Помог донести Шашенка до БЦУ-3, там мы собирали персонал 4-го блока.

После этого я добежал до ЦЦУ и сказал телефонистке: «Объявите общую аварию». Она спросила: «На каком блоке?» - «На четвертом». «А кому звонить?» - «Всем». Она положила трубку.

Потом я позвонил в ВПО и сказал: «Авария очень тяжелая, радиационная обстановка неизвестна, собирайте всех, всех, всех!». Потом позвонил в Киевэнерго, о радиационной обстановке ничего не говорил. Минут через 5 позвонил Брюханов. Я ему кратко все рассказал и предложил соединить его с Дятловым. Брюханов сказал, что он уже на станции и позвонит Дятлову сам. После этого начались непрерывные звонки, я говорил сразу по двум телефонам.

Да, звонил мне Самойленко и спросил, все ли пункты плана я выполнил? Я сказал: «Да».

Чуть позднее позвонили и сказали, что на территории нашли графит. Около 4-х часов утра ко мне зашел майор Телятников и попросил дозика замерить фон в районе формирования резерва. Я его спросил, как у них дела? Он сказал, что как такового пожара не было, были очаги. Я отметил в его рассказе обстоятельство такое: от попадания воды на некоторые предметы огонь разгорается сильнее. Тогда я понял, что уран вышел наружу. Сразу пошел на щит КРБ. Там уже были Красножен и Каплун. Обстановку прояснить они не могли.

Да, в районе 3-х часов звонил Дятлов, сказал, что обстановка требует останова блока 3. Я сказал, что согласую с диспетчером и Брюхановым. После этого блок 3 остановили.

Теперь по обвинительному заключению. Я 34 года проработал на уран-графитовых реакторах, но ни разу, нигде не было отмечено, что они взрываются. Я об этом узнал только в прокуратуре.

По программе. Она была всеми подписана, утверждена ГИС. Я здесь нарушения не усматриваю.

По запасу реактивности. П. 6.6.2 регламента и п.6.6.4 сюда не подходят, так как у нас была не обстановка, а снижение нагрузки.

По «Инструкции по ликвидации аварии»:

- руководству об аварии я сообщил (через аварийное оповещение), в ВПО тоже;

- лишний персонал и пораженных из зоны строгого режима эвакуировали;

- оперативную связь с ГО (начальник штаба Брюханов) я поддерживал.

То есть план автоматически был выполнен.

- Аварий было пять - технологическая, пожарная, радиационная, ядерная, общая. По одним мы должны включить вентиляцию, по другим - выключить. Поэтому, узнав, что на улице «грязно», мы приточную вентиляцию выключили.

- Персонал вывели, не смогли найти только одного человека – Ходемчука;

- Блок 3 - аварийно остановили при появлении опасности из-за потери цирконасосов;

- Йодную профилактику персонала организовали;

- Персонал об аварии был оповещен;

- Всех пострадавших мы отправили в МСЧ;

- Я просил Брюханова заменить мне Акимова.

Прокурор - Как я понял, Рогожкин все пункты обвинения отвергает. То есть, если ситуацию повторить, Вы действовали бы так же?

Рогожкин - Я этот вопрос задавал вашим работникам.

Прокурор - Не надо задавать. Вы действовали бы так же?

Рогожкин - Да.

Прокурор - Что значит - обеспечивать безопасность работ по программе?

Рогожкин - Я контролировал выполнение программы.

Прокурор - И это все? Вы не могли за сутки ознакомиться с программой!

Помощник прокурора - Когда Вы узнали 25 апреля, что ОЗР меньше 15 стержней РР?

Рогожкин - Примерно в 7ч 40 минут.

Помощник прокурора - Ваши действия по инструкции?

Рогожкин - Глушит реактор.

Помощник прокурора - Но вы этого не сделали.

Рогожкин - Когда Акимов мне доложил о снижении ОЗР, я спросил: «Фомин тебе звонил?» Дело в том, что в 6ч 30м мне звонил Фомин, и я ему доложил о снижении оперативного запаса ниже 15 стержней. На это он мне сказал, что уже звонил Акимову.

Помощник прокурора - На каком уровне мощности должна была выполняться программа?

Рогожкин - На 700-1000 мвт.

Помощник прокурора - В чем программа не обеспечивала ядерную безопасность?

Рогожкин - Она уже выполнялась раньше, значит обеспечивала ядерную безопасность.

Помощник прокурора - Вы знали об отклонениях от программы, о выведении защит? Вы эти действия согласовывали?

Рогожкин - Нет. Скорее всего, это могло быть сделано по указанию Дятлова.

Помощник прокурора - Мог ли сам Акимов, без Вашего разрешения, проводить испытания на 200 МВт?

Рогожкин - По указанию Дятлова мог. Самостоятельно - не мог.

Помощник прокурора - Вчера Дятлов сказал, что НСС дал указание Акимову снизить мощность до 200 МВт.

Рогожкин - Не так. Он сказал, что увидев на реакторе 200 МВт подумал, что это НСС разрешил снизить мощность до 200 МВт.

Помощник прокурора - По регламенту, когда Вы должны были отключить от сети ТГ- 8? Не по регламенту, а по заявке?

Рогожкин - СРК были закрыты в 01ч 23м. ТГ- 8 был отключен от сети в 01ч 03м.

Помощник прокурора - А по записям вашего оперативного журнала это произошло в 0ч 40м.

Помощник прокурора - Могли ли Вы видеть на ЦЦУ провал мощности на 4-м блоке?

Рогожкин - Нет.

Помощник прокурора - Фомин, мог ли Рогожкин это видеть?

Фомин - Только косвенным способом, наблюдая за электрической нагрузкой ТГ- 8. Сам Рогожкин мог этого и не видеть, 5 минут очень малое время для этого.

Помощник прокурора - Рогожкин, в Вашем журнале записано - 0:30 - рапорт Фомину. Что это было?

Рогожкин - Наверняка это Фомин сам звонил мне.

Помощник прокурора - Фомин, что Вы можете на это ответить?

Фомин - Я сейчас не помню. Мог и звонить. Это заурядный случай.

Эксперт - Как Вы понимаете пониженный ОЗР? Чем он опасен?

Рогожкин - 15 стержней нужны для компенсации реактивности, которую можно внести за счет всяких нарушений.

Эксперт - А ранее Вы говорили, что это нужно для управления полем энерговыделения, и что это экономически обосновано.

Рогожкин - Сейчас я знаю проблему глубже. Лучший вариант, совсем без стержней, это наиболее экономичный вариант.

Эксперт - Как Вы можете обосновать, что в начале смены была именно разгрузка, а не останов реактора?

Рогожкин - А Вы попробуйте извлечь все стержни за 15 минут и иметь 30 МВт.

Эксперт - Кто записал, что на начало смены 26 апреля мощность была 760 МВт?

Рогожкин - Дик.

Эксперт - А у вас записано, что утром 25 апреля ОЗР был 13,2 стержня РР.

Рогожкин - Да, записано.

Эксперт - Сколько времени ушло на замер вибрации?

Рогожкин - Примерно 36 минут. На разных уровнях мощности - 300 МВт, 200 МВт.

Эксперт - Вы сказали, что при попадании воды на уран он горит. Можно подробнее?

Рогожкин - Я это видел при попадании металлического урана в воду.

Эксперт - А разве в РБМК металлический уран?

Рогожкин - Нет, двуокись. Но у меня были такие ассоциации.

Эксперт - Выбег Вы отнесли к регламентным испытаниям. Вас не смущает, что механизмы блока были включены на разные сборки электропитания?

Рогожкин - Нет.

Эксперт - У меня сложилось ощущение, что в угоду экономике ЧАЭС шла на систематические отступления от действующих документов.

Рогожкин - Вы не впутывайте сюда экономику.

Председатель - Это следует из Ваших показаний. Эксперт ставит вопрос правильно.

Эксперт - Топтунов был не совсем готовым СИУРОм. Как Вы позволили взвалить на него такую нагрузку?

Рогожкин – 25 апреля я спрашивал Акимова, как показал себя Топтунов на переходном режиме? Он сказал, что будто бы ничего.

Эксперт – У вас действует указание ВПО о прекращении всех видов работ за 1 час до, и в течение 1-го часа после пересменки?

Рогожкин – Да, мы придерживаемся правила полчаса ничего не проводить до, и полчаса после приемки смены.

Эксперт – Вы сказали, что у начальника смены ООТиТБ был только прибор ДРГ. А Вы знаете, что на рабочем месте в вашей смене было 5 приборов ДП-5?

Рогожкин – Я видел, как сам Каплун бежал с ДРГ, значит у них ДП не было.

Эксперт – Вы очень легко жертвовали людьми, говорите этого требовала обстановка?

Рогожкин – Это не так. Я не посылал людей никуда.

Эксперт – Значит Вы не руководитель. Почему Вы допустили смену на станцию?

Рогожкин – Я людей на станцию не допускал.

Защитник Рогожкина – 26 апреля в начале смены какой был ОЗР?

Рогожкин – 24 стержня, при мощности реактора 1600 мвт.

Защитник Рогожкина – На ЧАЭС были случаи заглушения реактора по причине снижения ОЗР?

Рогожкин – Нет.

Защитник Рогожкина – Когда вы покинули АЭС?

Рогожкин – С разрешения Фомина, после 8 часов.

Защитник Брюханова – Состоялся ли разговор Фомина с Фроловским 25 апреля по случаю уменьшения ОЗР ниже 15 стержней РР?

Рогожкин – Не знаю. Сдав смену, я уехал домой.

Защитник Брюханова – Фомин, состоялся ли этот разговор?

Фомин – Нет, об этом я узнал впервые вчера. Фроловский ко мне не приходил.

Фомин – Рогожкин, были ли случаи, чтобы ГИС заставлял Вас нарушать регламент?

Рогожкин – Нет, не заставлял, но разрешения работать с нарушениями - были.

Дятлов – Я отстранял Вас от руководства работами по аварии?

Рогожкин – Нет.

Дятлов – На предварительном следствии Вы сказали, что пожарных допускал Дятлов. Кто должен допускать?

Рогожкин – Сейчас посмотрю инструкцию ...

Народный заседатель – Вы отрицаете все обвинения?

Рогожкин – Я не виноват.

Народный заседатель – Произошла авария. Виновники должны быть определены?

Рогожкин – Да, должны. Но это сложно сделать.

(перерыв 13:50 - 15:00)

Председатель – Подсудимый Лаушкин, что Вы хотите сказать по поводу предъявленного Вам обвинения?

Лаушкин – 4 декабря 1986 года мне было предъявлено обвинение. По факту обвинения я показываю следующее.

В своей работе я руководствовался Положением о ГАЭН, ПБЯ и другими нормативными документами...

По работе я иногда сталкивался с нарушениями регламента и инструкций, о которых контролирующие органы не знали. Потому что со станции им об этом не сообщалось. О выявленных нарушениях я оперативно, по телефону, докладывал своему руководству и отражал в квартальных отчетах.

В марте 1983 года Главный Инспектор Козлов дал указание проверить уровень ЯБ на ЧАЭС. Комиссия под председательством Симонова, куда входил и я, провела проверку уровня эксплуатации ЧАЭС с 1979 по 1983 год. Акт комиссии утвердил Козлов, и он был направлен письмом от 28 марта 1983 года директору ЧАЭС. В этом акте было указано на систематические нарушения регламента. После этого письма систематических нарушений не было, но отдельные попытки были. Например, в 1983 году была попытка поднять мощность реактора без прохождения йодной ямы. Узнав об этом, я позвонил в Москву Козлову. Тот позвонил Брюханову с требованием прекратить подъем мощности. Был еще один случай прохождения

йодной ямы на мощности. По этому случаю ЗГИС Лютов писал объяснение в центральные органы ГАЭН. По всем случаям нарушений я делал письменные предписания Брюханову, Фомину, Лютову. Они либо устраняли эти нарушения, либо согласовывали отклонения с Главным конструктором, Научным руководителем и т.д.

Еще пример. Однажды главным инженером ВПО Прушинским был прислан телетайп, по которому время работы на мощности 700 МВт (э) сокращалось с 36 до 24 часов. Я потребовал согласования этого с Главным конструктором, Научным руководителем.

В 1985 году была создана инспекция ГАЭН на ЧАЭС в составе 6 человек - Елагина, Манько, Попов, Шевченко, Лаушкин, Фроловский. Руководство инспекцией осуществлял Фроловский. Должностную инструкцию инспектора составлял я сам, так как типовой не было. Утвердил ее и.о. начальника инспекции по Юго-Западному округу Завальнюк.

Основной моей задачей было недопущение отклонений от требований ПБЯ, которые могут привести к неконтролируемым разгонам.

По программе. Программа испытаний на БЩУ-4 появилась 25.04.86. По данным экспертизы, оборудование, на котором проводились испытания, не подконтрольно инспектору по ЯБ.

За период моей работы аварий не было.

Председатель – Почему Вы молчите о многочисленных поломках оборудования, остановах реактора по вине персонала?

Лаушкин – Пункты, по которым мне предъявлено обвинение, не входили в мою компетенцию.

Прокурор – Когда была создана инспекция?

Лаушкин – В сентябре 1985 года.

Прокурор – На предварительном следствии Вы сказали, что не проявляли настойчивости в отношении руководства АЭС по вопросам ядерной безопасности.

Лаушкин – Да.

Прокурор – Согласны ли Вы с тем, что говорили на предварительном следствии?

Лаушкин – Нет. Не согласен.

Прокурор – Входят ли в Вашу компетенцию вопросы безопасности реактора?

Лаушкин – Да.

Прокурор – У меня есть вопрос. Брюханов, скажите, так ли хорошо работал Лаушкин, как он говорит?

Брюханов – Да. Я получал предписания от Фроловского, Елагиной.

Прокурор – Требовал ли от Вас Лаушкин выполнения предписаний?

Брюханов – От меня не требовал.

Прокурор – Можно ли сказать, что Лаушкин работал в полную силу своих возможностей? Произошла бы авария, если бы он работал лучше?

Брюханов – Если бы все работали лучше, аварии наверняка бы не было.

Прокурор – Скажите, Лаушкин, были ли случаи, когда директор или ГИС брали на себя ответственность за нарушения?

Лаушкин – Да, я об этом уже говорил.

Эксперт – Вы знали, что будет проводиться программа по выбегу?

Лаушкин – Я этого не знал.

Эксперт – Вы говорите, что испытания проводились на неподведомственном Вам оборудовании?

Лаушкин – Да.

Эксперт – Но испытание на турбине влияет на изменение параметров теплоносителя?

Лаушкин – Да.

Эксперт – Значит Вы должны были смотреть за этим?

Лаушкин – Нет.

Эксперт – Вы представляли себе до аварии опасность снижения ОЗР ниже 15 стержней РР?

Лаушкин – Да.

Защитник Фомина - как реагировал Фомин на Ваши предписания?

Лаушкин - Он накладывал визы цехам, цеха составляли мероприятия, а я их контролировал.

(перерыв 16:55 – 17:10)

Ситникова Эльвира Петровна, 1941 года рождения.

- Для нас станция была не только местом работы, но и нашей гордостью.

Когда это случилось, ночью прозвучал звонок. Муж сказал, что произошла серьезная авария, и уехал на работу. Я была спокойна, так как думала, что это обычный разбор аварии.

В 10ч 30м утра я ему позвонила, спросила: «Скоро ли ты приедешь?» Он сказал, что нескоро. Я спросила: «Как ты себя чувствуешь», он сказал: «Плохо». Я ему сказала, чтобы он срочно шел в медпункт, но он ответил, что не может. Тогда в медпункт позвонила я сама.

Уже в 6-й клинике Толя рассказал, что жертвы ребят были не напрасны. Они спасли Украину точно, а может быть и половину Европы. Он никого, ни в чем не винил. Я тоже никого не виню.

Кудрявцева Тамара Алексеевна, 1957 года рождения.

- Мы с мужем приехали на ЧАЭС в 1981 году, после окончания института, по распределению. Муж гордился работой на ЧАЭС, стремился повысить квалификацию, постоянно учился. Четыре года отработал СИМом. Потом стал учиться на СИУРа. Я считала работу мужа опасной.

К моменту аварии он сдал все экзамены и должен был приступить к дублированию. 25.04 он был выходным, но с 11 до 18 был на работе. Потом весь вечер был задумчив, играл с детьми. На работу ушел, как мне показалось, с тяжелым настроением. Утром он не домой не вернулся. Его товарищ зашел к нам и предупредил, чтобы мы не выходили на улицу и закрыли окна. Телефон мужа не отвечал. Случайно я попала на его друга, Владимира Минина. Он сказал, что всю смену увезли на обследование. Вечером я побежала в МСЧ. Мне удалось увидеть его в окно. Он был опухший, красный, щурился. В МСЧ его привезли примерно в 5 часов утра. Его всю ночь рвало. Кружилась голова.

Выслушав показания подсудимых, я возмущена. Они говорят - я не видел, я не знал, а в это время другие люди работали...

Все ребята, которые умерли, вели себя достойно.

Его наградили орденом «Знак почета», но горе мое ни с чем не сравнимо.

И еще - в день эвакуации мы ждали автобус у подъезда около 1,5 часов, с детьми на руках.

(перерыв 17:45 - 17:55)

Метленко Геннадий Петрович, 1940 года рождения. Старший бригадный инженер Донтехэнерго.

В 1979 году мы приступили к изучению материалов и подготовке режимов самозапуска на АЭС. Потом перешли к режиму выбега. На 1-й очереди мы его сделать не смогли, так как ТГ не были снабжены на заводе - изготовителе блоками выбега. Концепция системы безопасности на 2-й очереди состояли в том, чтобы запитать ПЭНы от выбегающего ТГ.

В 1984 году испытания на ТГ-5 оказались неудачными, так как импульс от блока выбега на ТГ не прошел.

В 1985 году мы не смогли приехать (были на Армянской АЭС) и станция провела испытания сама. Не получилось.

В 1986 году мы стали готовить программу в марте, для этого я приехал на ЧАЭС с бригадой. С 14 апреля я начал согласовывать программу (ЗНЭЦ - Кузнецов и Метелев, ЧПНП - Александров, НЦТАИ - Бородавко). С Фоминым эту программу лично я не согласовывал. Передавал ее на утверждение через секретаря.

24 апреля мы были на станции задолго до испытаний. Дело в том, что подключать свои приборы мы можем только тогда, когда блоку удовлетворена заявка на останов для ремонта. К подключению приступили в 0 часов 25 апреля. Потом испытания отложили до 21ч 00м.

Руководство осуществлял Дятлов. Вначале были закончены испытания по вибрациям.

Председатель – Мешало ли это Вам?

Метленко – В какой-то степени да, так как часть стационарного и нашего оборудования (приборы, насосы и т.д.) приходилось отключать, потом снова включать.

Председатель – Как Вы оцениваете условия работы, как нормальные или нет?

Метленко – Скорее как тяжелые. В какой-то момент даже думали время, выделенное на выбег, у нас взять и передать ЧПНП (или ХТЗ). Примерно в 1 час ночи 26.04 решили все же отдать программу мне. В 1.10 - 1.15 Дятлов начал всех торопить. В 1.23 приступили к работе над программой. По команде моей: «Внимание, осциллограф, пуск» - она началась. Я смотрел за оборотами ТГ (при оборотах ТГ- 8 около 2500 Акимов дал команду СИУРу глушить реактор). Через несколько секунд раздался взрыв. По моему мнению, это был мощный, продолжительный гидроудар. Замигал свет. Дятлов дал команду перейти на

РЩУ. Но мнемосхемы работали, шум прекратился и Дятлов сказал всем остаться. Потом по команде Акимова включили дизеля, АПЭНы, открыли ручные задвижки на узлах питательной воды. Потом отключились мои приборы. Акимов дал команду помочь оператору открыть задвижку, и я пошел ему помогать. Потом я вернулся на БЩУ и получил команду Дятлова выводить своих людей. Они были рассредоточены по разным помещениям, и я начал их оббегать. Собрал всех и вывел. Теперь по программе. Ее костяк составлял я.

Председатель – К Вам претензий нет, Вы не специалист в этой области.

Прокурор – Нужно ли было отключать АЗ-5 по останову 2-х ТГ?

Метленко – Нет, ни в коем случае. Мы говорили, что при нашей программе реактор нужно глушить.

Прокурор – Кто подал идею отключения САОР?

Метленко – Насколько я помню, об этом настойчиво говорил мне и Дятлову Александров (ЧПНП).

Прокурор – Подробнее расскажите последовательность нажатия кнопки МПА.

Метленко – Команда на МПА прошла с опозданием, в 1-2 сек после закрытия СРК.

Прокурор – Раньше вы говорили - 4-6 сек.

Метленко – Я согласен с этим. Это было сделано по осциллограмме, это точнее.

Помощник прокурора – Кто был заинтересован в проведении программы?

Метленко – Только ЧАЭС.

Помощник прокурора – А нужен ли выбег?

Метленко – Я могу сказать однозначно, обязательно нужен.

Помощник прокурора – Вы согласны, что нужна была мощность 200 МВт?

Метленко – Для собственных нужд достаточно. Нам было нужно 30-50 МВт электрических, а технологи требовали 600-700 МВт для реактора.

Помощник прокурора – На предварительном следствии Вы сказали, что сами попросили мощность 200 МВт и что технологи ответили, что это можно сделать только в последний момент, а до того работать на 700 – 1000 МВт.

Метленко молчит.

Помощник прокурора – Все команды Дятлова выполнялись беспрекословно?

Метленко – Да, думаю что это было так.

Помощник прокурора – Вы знали о снижении мощности?

Метленко – Да, что-то было в 00ч 28м. Дятлов от пульта отошел, вытирая лоб.

Помощник прокурора – Вы подтверждаете присутствие Дятлова в это время на пульте СИУРа?

Метленко – Да, по моему он был.

Эксперт – Когда Вы уехали со станции?

Метленко – Я уехал после 12 часов дня.

Эксперт – Много народу было на АЭС?

Метленко – Примерно 120-150 человек. Одни ждали транспорт, другие сдавали кровь на анализ.

Эксперт – Вы слышали аварийное оповещение?

Метленко – Нет, ничего я не слышал.

Защитник Дятлова – Где, в основном, находился Дятлов?

Метленко – В основном на БЩУ.

Защитник Дятлова – В одном месте БЩУ?

Метленко – Нет, он ходил по всему БЩУ.

Прокурор – Вы видели, чтобы он выходил или приходил?

Метленко – Не помню, может быть.

Защитник Дятлова – Кроме той ситуации, когда он отошел и сказал: «Ух», были еще тревожные моменты?

Метленко – Да, были. Например, при виброиспытаниях.

Дятлов – Уточните, где стоял Акимов после закрытия СРК?

Метленко – Слева от СИУТа.

Дятлов – Каким голосом НСБ подал команду глушить реактор?

Метленко – Спокойным.

Дятлов – Слышали Вы перед этим вибрацию или шум?

Метленко – Нет, все было очень спокойно.

Дятлов – Вы имели разговор с Кухарем после аварии 26.04?

Метленко – Да, целое утро 26 апреля.

Дятлов – Был ли 26.04 (до аварии) разговор, в котором Вы сказали, что если сегодня не будет выполнена работа, то Вы будете требовать закрытия договора?

Метленко – Да, был, после споров с представителем ХТЗ Кабановым.

Защитник Коваленко – Кто определял круг ответственных лиц от цехов на выбеге?

Метленко – Я не могу ответить на этот вопрос.

Защитник Рогожкина – В вашем присутствии Акимов обращался с чем-нибудь к НСС?

Метленко – Я не помню.

Защитник Лаушкина – Как, по-вашему, затрагивала программа вопросы ядерной безопасности?

Метленко – Для меня это вопрос темный. Блок затрагивала, а значит и реактор.

Народный заседатель – Вы были на многих АЭС. Как Вы считаете, по сравнению с другими станциями, уровень руководства на ЧАЭС был каким?

Метленко – По сравнению с другими порядки и организованности было больше.